

Реальная история о надежде,
страхе и встрече с первозданной
природой Исландии

РЭЙНОР ВИНН

автор бестселлера «СОЛЕНАЯ ТРОПА»

ДИКАЯ ТИШИНА

The book cover features a detailed woodcut-style illustration. On the left, a large, dark, craggy cliffside descends to a small, two-story stone house with several windows. Two small figures stand on a path leading to the house. In the foreground, a sandy beach meets the water's edge. In the middle ground, a dark sailboat with a single sail is on the water. The sky is filled with intricate, swirling white patterns that resemble clouds or waves. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and blacks, with a touch of light blue for the water and a bright orange circle in the bottom right corner.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Рэйно́р Винн
Дикая тишина
Серия «Найди свой
путь. Духовный опыт»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67689504*

*Дикая тишина: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-169278-0*

Аннотация

Продолжение бестселлера «Соленая тропа» – автобиографической истории, покорившей сердца читателей всего мира и получившей высокие отзывы критиков (бестселлер Sunday Times, награда Costa), а также известного российского литературного критика Галины Юзефович.

«Дикая тишина» рассказывает о новом этапе жизни Мота и Рэйно́р. После долгого, изнурительного, но при этом исцеляющего похода по британской юго-западной береговой тропе Рэйно́р с мужем снимают скромную квартирку в маленьком городке. Однако им трудно вписаться в рамки обычной жизни: выясняется, что «соленая тропа» необратимо изменила их. Здоровье Мота ухудшается, а Рэйно́р чувствует, что «задыхается» в четырех стенах, и ее неудержимо тянет на природу.

В «Дикой тишине» Рэйно́р и Мо́т чудесным образом обретаю́т подходящий им дом. После выхода книги «Соленая тропа» их историей зачитываются во многих странах мира. Несмотря на слабое здоровье, они, следуя зову сердца, решаются совершить очередной трудный поход – на этот раз в Исландию, чтобы еще раз соприкоснуться с тишиной первозданной природы.

Как и в «Соленой тропе», в этой книге искусно переплетаются точные, поэтические описания природы и пронзительные откровения автора.

Содержание

Часть первая	8
1. Ушла в землю	10
2. Невидимая	16
3. Hireth[2]	28
4. Бежать	40
5. Доверие	58
6. Гореть	81
7. Дышать	92
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Рэйно́р Винн

Ди́кая тишина

Посвящается единомышленникам, благодаря которым эта книга появилась на свет

Raynor Winn
Wild Silence

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Text Copyright © Raynor Winn 2019

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London.

© Автономова Н. В., перевод на русский язык, 2022

Маршрут Лейгавегюр

Часть первая

Всегда земля

The shell must break before the bird can fly.

The Promise of May, Alfred, Lord Tennyson

*Чтобы птица смогла полететь,
должна расколоться скорлупа.*

Альфред Теннисон, Обещание весны

*I can hear the voice, but I don't know what it's saying.
Somewhere deep in my brain,
a noise between the rush of blood and electrical
charges, a sound, or is it
a feeling?
It's dark and low, a voice like a hum of words
rising from a hundred throats,
or the beat of a drum in tune to feet on hard earth,
or one bird call
long and low at dusk as the light dips below
a ridgeline
and the land becomes blue.*

Я слышу голос, но не разбираю, что он говорит.

*Где-то в самой глубине мозга
шум – что-то среднее между пульсацией крови
и электрическим разрядом, звук это или
чувство?*

*Глухой и низкий голос, подобный гудению слов,
поднимается из сотен глоток,
или стук барабана в такт шагам по твердой
земле,
или птичий крик,
протяжный и тихий, раздается в сумерках,
когда
свет уходит за кромку скал,
и суша становится синей.*

1. Ушла в землю

Вообще-то перед рассветом первого января нового года я должна была спать в своей кровати, как все нормальные люди, а не стоять на промерзших камнях на вершине скалы. Но, открыв глаза в темноте зимней ночи, я ощутила все ту же тревогу, которая уже много месяцев не давала мне спать, услышала тот же шепот в ушах, и мне пришлось встать и пойти...

...по глухим узким улочкам Полруана, где в домах были задернуты шторы и царил покой. Веселые толпы, фейерверки и шум исчезли. Вернулась темная тишина, ее нарушали лишь лужицы света от фонарей и ощущение, что где-то рядом движется река, широкая и глубокая здесь, в устье, увлекаемая вглубь материка силой прилива, мерцающая тысячей отраженных огней. На причале стояла всего одна лодка, якорная цепь натянута до предела, корма ритмично покачивается в стремительном течении, как рыбий хвост. Я миновала последний дом и вышла на открытое поле. Мне даже не нужен был фонарь. Я так хорошо изучила этот маршрут, что ноги сами привели меня к узкой полоске вытоптанной земли, которая петляла между камнями и кустами дрока вверх по грубо вытесанным в породе ступеням, направляясь туда, где суша обрывается в море и разбивается о густую черноту утесов далеко внизу. Дальше, мимо скрюченного боярышника,

согнутого ветром по форме берега. Вверх по растрескавшемуся грунту, почти не видя собственных ног, через калитку туда, где заканчивается подъем и начинается ветер. Береговой линии не было видно, но я знала, что она передо мной. Чувствуя, как она убегает сразу в обе стороны, я широко раскинула руки и слилась с невидимой, выщербленной, такой знакомой линией, мое дыхание превратилось в ветер – и я вместе с ним.

Сойдя с тропы, я прошла через поле к небольшой каменистой полянке, окруженной стеной дрока; овцы, прячась от непогоды, вытоптали здесь всю траву. Подходящее место, чтобы остановиться и присесть. Мое беспокойство начало утихать, и я расслабилась, поддавшись усталости. Темнота была плотной и непроницаемой, но ветер свистел в ветвях дрока у меня над головой, принося с собой кисловатый аромат игольчатых листьев, а море гулко и тяжело обрушивалось на скалы внизу, и его удары отдавались в земле ритмичной вибрацией. Я свернулась калачиком, натянула поверх шапки капюшон, засунула руки в перчатках под мышки, и мысли наконец покинули мою голову и растворились в свежем черном воздухе. Голоса в голове утихли, наступила тишина. Я больше не могла думать – только чувствовать, и сдалась власти сна – глубокого короткого забытья.

Забрезжил первый бледный свет, и я вернулась в свое ноющее, затекшее тело, но с места не сдвинулась, а продолжила лежать, сжавшись в комок и пытаясь сохранить последние

остатки тепла. Сквозь серость у меня над головой скользнула темная тень, ее мощный хвост и широкие длинные крылья лишь чуть качнулись под напором ветра, когда она нырнула за край утеса и исчезла из виду. Я впилась глазами в светлеющее небо, дожидаясь возвращения птицы, смотрела не мигая, чтобы не пропустить его. Голова у меня заболела от усердия, а внимание скользнуло к горизонту, над которым на мгновение проступила тончайшая полоска золотого света, и тут же завеса монотонного дождя далеко в море заслонила от меня это сияющее чудо. Тогда птица бесшумно появилась вновь, безо всяких усилий взмыла в небо и зависла над кустами, покрывавшими мыс. Видимо, искала, чем бы позавтракать. Ее темная спинка и крылья с черными кончиками почти сливались с низким небом; только белая полоска над хвостом выдавала в ней луня.

Я выпрямилась, морщась от тупой боли в суставах, и выползла из дроба как раз вовремя, чтобы увидеть барсука, который сошел с береговой тропы и пробирался по полю к ближайшим зарослям. Его коротенькие толстые лапки быстро семенили по клочкам травы. Рассвет застал его, по-зимнему заторможенного, врасплох; ему давно пора было спать. Голод выгнал его в холодную ночь, но теперь ему нужно было вернуться в нору, глубоко под землю, где безопасно и тепло. У широкого входа в свой туннель он на секунду задержался, огляделся и потянул носом воздух. Затем исчез, ускользнул в невидимый безопасный мирок. Ушел в землю.

В тусклом сереющем свете я выбралась на край скалы и села, свесив ноги. На краю суши и у начала моря. В пространстве между мирами, во времени между годами, в жизни между жизнями. Я потеряна, но здесь, хотя бы на секунду, могу найти себя.

Назад через деревню, где все еще было совершенно тихо. В Фоуи, на другом берегу реки, светились несколько окошек. Люди сонно варили кофе, прибавляли отопления и возвращались в свои постели. Я прошла по узким, как тропа, улицам к нависающей громаде церкви, толкнула железную калитку и пробралась по мощеному проходу между стеной и скалой. Вошла в узенькую квартирку с обратной стороны здания. Холод пронизывал меня до костей, у меня все болело. Но казалось, что ко мне наконец-то пришло понимание, которое ускользало с того самого дня, когда мы только оказались в этой церкви, впервые прошли через эту дверь. С того дня, когда опустили рюкзаки на голый пол, пройдя тысячу четырнадцать километров пешком, расшнуровали грязные ботинки и попытались заново научиться жить под крышей. Показалось, что я наконец поняла, почему никак не успокоюсь, почему тревожусь и не могу спать. Я заварила чай и отнесла его на второй этаж Моту – человеку, который был моим мужем, любовником и другом вот уже тридцать с лишним лет.

Он лежал, растянувшись на матрасе; дневной свет, который все больше просачивался в спальню через витражные

окна, не разбудил его. Его вообще трудно было разбудить; он мог проспать двенадцать часов кряду и все равно не чувствовать себя отдохнувшим. Но я растолкала Мота, и его день начался, как всегда, с чая и двух печенек.

– Мот, просыпайся, мне нужно кое-что сделать.

– Что? Что происходит – почему ты в одежде?

– Мне не спалось.

– Опять?

– Да, и я ужасно устала, но мне нужно кое-что сделать.

Когда я оттащила матрас к стене, туда, где в коробках хранилась наша одежда, на покрытом линолеумом полу освободилось большое пространство. Мы вынули из рюкзака, стоявшего в углу, зеленый чехол, расстегнули его и вытрясли оттуда знакомый нейлоновый сверток. Разворачивая палатку, я окунулась в запах сырости и песка, ветра, дождя и свежего, полного озона и чайных криков воздуха. Я оказалась на природе, на земле всех оттенков – рыжего, черного и коричневого, во влажных, поросших мхом лесах и глубоких, скрытых от глаз лощинах.

– Ты поступай, как хочешь, но я, пожалуй, останусь на матрасе. Вообще говоря, я уже снова привык к удобствам цивилизации.

– Хорошо, а я попробую так. Больше не могу не спать.

Я собрала скрепленные изолентой стойки палатки, с нетерпением глядя, как зеленый купол принимает нужную форму. Забравшись в пропахшую сыростью полутьму, я по-

чувствовала прилив радости. Мот пошел налить себе еще чаю, а я затащила в палатку старые, потертые надувные матрасы и спальники и взяла с кровати подушку. Я вернулась. Это то, что мне нужно. Я зарылась лицом в подушку, мир уплыл вдаль, и я с облегчением погрузилась в глубокий сон. Ушла в землю.

2. Невидимая

Когда заканчиваются рождественские каникулы и студенты неохотно возвращаются в аудитории, мало кому из них уже за пятьдесят и мало кто забывает новое, едва успев его усвоить. Мы стояли на кухне церкви и сверялись со списком перед тем, как отправить Мота в университет. Телефон, кошелек, очки – есть; ключи от фургона – есть; тетрадка со списком дел на сегодня – есть.

– Ну, до вечера.

– До скорого.

И он исчез, хотя какое-то время мне еще было слышно, как он неровным шагом идет по дорожке вдоль церкви навстречу тусклому свету зимнего утра. Закрыв дверь, я вернулась в нашу длинную узкую квартиру, похожую на кишку. Присев к столу с чашкой чая, я задумалась о предстоящем дне. Я дожидалась, пока хлеб выскочит из тостера, и разглядывала книжную полку, ища повод оттянуть тот момент, когда мне придется открыть ноутбук и снова погрузиться в униженный поиск работодателя, которому нужна сотрудница за пятьдесят без особой квалификации и опыта работы. На маленькой полке стоял случайный набор книг, вынутых из картонной коробки. Несколько разрозненных, наспех уложенных томов. Каждый раз, глядя на эти книги, я моментально возвращалась в последние минуты перед тем, как мы

вышли за дверь нашего дома, чтобы больше никогда туда не возвращаться. Выселенные из дома своей мечты, где мы прожили столько лет, где сдавали флигель отдыхающим, где держали овец и сажали овощи, где растили своих детей, – из дома, который двадцать лет был нашим миром. Был, пока денежный спор со старым другом не привел нас в суд, по итогам которого дом забрали за долги, а нам выдали извещение о выселении. Эти несколько книг, собранные перед тем, как мы закрыли дверь и навеки оставили за ней свою прежнюю жизнь, помнили звук, с которым судебные приставы колотили в дверь, помнили, как страшно было не знать, появится ли у нас когда-нибудь снова крыша над головой, помнили нашу бесконечную тоску. Но если бы я знала, что это окажутся единственные книги, которые мы возьмем с собой в новую жизнь, то, наверное, выбирала бы их повнимательнее. Я вела пальцем по корешкам, разыскивая хоть какую-то возможность мысленно унести из нашей квартиры, из этой церкви. «Определитель грибов» – возможно, но все же не в январе; «Аутсайдер II»¹ – точно нет; «Прогулка длиной пятьсот миль» – книга, которая подтолкнула нас к самому неожиданному приключению нашей жизни. Нет, помочь мне могла только одна книга. «Юго-западная береговая тропа: от Майнхеда до мыса Саут-Хейвен», замечательный путеводитель Пэдди Диллона по всем шестистам тридцати милям, или ты-

¹ Outsider II – автобиография британского арт-критика и колумниста Брайана Сьюэлла. – *Здесь и далее примеч. перев.*

сяче ста четырнадцать километров, береговой тропы. Книга, которая привела нас в Полруан. Друг в кармане, который отправился с нами, когда мы решили не поддаваться хаосу бездомности, а надеть на плечи рюкзаки и пройти весь описанный Пэдди пешеходный маршрут, ночуя «дикарями» на пляжах и скалах, без дома и без копейки денег.

Пластиковая обложка на маленьком коричневом томике уцелела, сверху он был стянут черной резинкой для волос. Когда я сняла ее, задубевшие страницы вздулись волнами, напомнив мне песчаный берег во время отлива. Между страницами, кое-где слипшимися от дождевой воды, хранились открытки, перышки, травинки, клочки бумаги и цветы. Воспоминания о тропе, которая обрушивается с вершин скал до уровня моря и поднимается обратно – и так раз за разом, пока эти дикие американские горки не обойдут все побережье Юго-Западной Англии, а путешественник не продвинется в гору столько же, сколько прошел бы за четыре подъема на Эверест.

Я мазала тост маслом и ждала телефонного звонка. Звонка от Мота о том, что он прибыл в университет, а не сидит в кафе в Труро и не гуляет по пляжу на заливе Уотергейт, потому что поехал в университет, но забыл, куда направлялся, и убедил себя, что ему нужно было попасть совсем в другое место. Я перебирала страницы книжки, не решаясь заглянуть в нее. Внутри были залитые солнцем, обласканные ветром воспоминания о месяцах, проведенных на вершинах

скал в разную погоду. Но там также скрывались мрачные воспоминания об ужасной, полной боли и тоски неделе, которая подтолкнула нас пуститься в этот путь. Мы тогда были совсем другими людьми, отчаявшимися, нервными, испуганными, и за те жалкие дни, которые нам оставалось провести дома, тщетно пытались затолкать в коробки двадцать лет прежней жизни. Мы думали, что потеря жилья – это худшее, что может с нами приключиться. Однако в ту же неделю самый обычный поход к врачу показал, что мы ошибались. В нашей жизни и так наступила темная полоса, а тут врач-консультант, небрежно присев на краешек стола, выключил последний источник света.

Я закрыла путеводитель. Хочу ли я вернуться в ту неделю, заново пережить этот ужас? Но уже поздно. Никуда не деться от воспоминаний о том, как Мот застыл со мной рядом, услышав, что у него дегенеративное заболевание нервной системы, от которого нет ни лекарства, ни лечения. Никуда не деться от страха, который возвращался каждый раз, как я вспоминала, что Мотовы боли в плече, онемение в левой половине тела и туман в голове – это не признаки старости, а симптомы кортикобазальной дегенерации, КБД, неостановимого заболевания, которое очень скоро дойдет до своего логического завершения. Когда врач описал нам, как тело Мота забудет, как глотать, и пневмония заставит его захлебнуться собственной слюной, мы поняли: нас ожидало кое-что похуже потери дома.

Я снова поставила чайник. Мот уже должен был доехать – почему он не звонит? Я переворачивала страницы, осторожно разнимая слипшуюся сухую бумагу, и описания тропы бросались в глаза, вызывая вспышки воспоминаний. «Плавнo уходит вглубь полуострова и вверх по холму». Я рассмеялась, вспомнив, как мы в самом начале пути перечитывали эту строчку, глядя на крутую тропу, зигзагом уходящую вверх по практически вертикальной скале. Когда страницы наконец начали отделяться друг от друга, на полях обнаружили заметки Мота, и я увидела перед собой его лицо: как он смотрит на меня при свете фонарика темным вечером, когда последний луч солнца уже исчез за горизонтом и зеленый купол палатки укрыл нас двумя слоями отсыревшего нейлона. Все тот же дикий, неукротимый мужчина, которого я любила всю свою взрослую жизнь, сидел на спальнике, а я лежала, борясь со сном, но продолжая смотреть, как он пишет. Он улыбался, царапая на полях путеводителя похожие на паучков слова, описывая дни, которые мы только что провели на скалах и пляжах, в палатке на каменистых выступках и мысах. «Ночевали на утесе Лески, скорее в море, чем на берегу моря». «Так хочется есть, что я съел печеньку Рэй, кажется, она не заметила». «Открыл палатку и обнаружил, что мы всего в метре от края скалы». «Ежевика». «Море – как сироп, я сам превратился в море». «Держал Рэй за руку на краю света». «Сегодня я гулял с черепахой».

Глядя на выцветшие карандашные заметки, я снова была

с Мотом под солнцем и дождем и смотрела, как он шагает по тропе впереди меня, подгоняемый ветром в новый мир. Мир университета и церкви, где прямо перед крыльцом проходила береговая тропа, а я каждый день ждала его дома. Но он все не звонил – где же он?

Листки разлеплялись медленно, я дошла до страницы сто сорок: бухта Портерас. «Дельфины и прилив». «Я бежал, держа палатку над головой». «Неужели это правда?» Волшебный момент, когда мы поняли: Мот опроверг слова врача о том, что кортикобазальная дегенерация неизлечима и ему никогда не станет лучше. Ночь, когда мы метались по пляжу при свете луны, убегая от прилива, держа над головой полностью собранную палатку, и учились вновь надеяться на лучшее. После похода, перед началом занятий в университете, мы встретились с врачом. Моту стало намного лучше, рассказали мы, ему удалось сделать то, что все авторитеты по его болезни считали невозможным. Однако врач не впечатлился.

– Можете учиться, если хотите, но будьте готовы все бросить: до конца вы не доучитесь.

Мы не поверили ему, не захотели поверить. Однако время шло, Моту приходилось все больше времени проводить за учебниками, и те здоровье и свобода движений, которые он вновь обрел было в походе, стали его покидать. В тихом холоде зимы к нему вернулись боли и скованность суставов, его движения вновь замедлились. Теперь всякий день начинал-

ся с борьбы за то, чтобы выпрямиться и встать, и с каждым неверным утренним шагом нас охватывало неумолимое чувство безысходности. Мы были вынуждены принять то, что сказал врач: скорее всего, Мот не сможет доучиться до конца. И уж точно он не доучится до конца, если так и будет прогуливать занятия; может быть, мне стоит самой отвезить его в университет, а потом забирать? Но нет, ведь тогда траты на бензин вырастут вдвое, а студенческого займа и так едва хватает, чтобы сводить концы с концами. Лучше я заведу какое-нибудь устройство, чтобы следить, где он находится. Я закрыла книгу, и мысль о том, что однажды Мот не сможет вспомнить наш поход, переполнила меня печалью. Настанет день, когда болезнь зайдет так далеко, что тот волшебный опыт, который мы пережили вместе на дикой природе, будет потерян для Мота навсегда, и я останусь наедине с воспоминаниями. День, когда путеводитель останется единственным свидетельством того, что мы вообще отправились в поход.

Да где же он, черт возьми?

Было позднее утро, когда я включила свет; солнце уже миновало точку, в которой ненадолго попадало в окно, и в квартире стало темнеть. Я допила чай и просто сидела за столом, глядя на улицу из высокого церковного окна, выходившего на стену соседского сада. Стена была двухметровой вы-

соты и наполовину закрывала вид, но над ней виднелись какие-то кусты и магнолия в саду. Из зарослей плюща вывалилась крупная коричневая крыса и засемила по стене, затем остановилась, уставилась на меня круглыми глазами, развернулась и побежала обратно. Я открыла дверь, чтобы посмотреть, куда она направилась. Крыса уже исчезла в сплошной завесе плюща, покрывавшей скалу в каких-то полутора метрах от двери, но листья колыхались, выдавая ее перемещения. Стоя в темном сыром зеленом коридоре между стеной церкви и скалой, я следила за тем, как невидимый зверек, шурша листьями, пробирается вверх. Там, между кустами буддлеи и крышей церкви, виднелась тонкая голубая полоска неба – мир, где светило солнце, где дул ветер, и мне очень нужно было туда попасть. Замкнутое пространство вдруг начало давить на меня со всех сторон, и я поняла, что пора выбраться на воздух.

Схватив куртку и телефон, я выбежала на улицу, чтобы дойти по ней до открытых скал, как делала каждый день с момента нашего переезда в церковь. Узкая улочка, по которой едва могла проехать одна машина, была полна людей. Они шли, громко разговаривая и размахивая руками. Я пошла было с ними рядом, но внезапно меня охватило острое чувство паники, и я вжалась в стену сада, переживая, пока толпа схлынет. Что происходит? Я не могла понять, отчего у меня стучит в висках и горят щеки. Приливы со мной уже случались, и это был не прилив, но что тогда? Возможно, я

заболела? Люди все шли мимо, шумные и деловитые.

– Добрый день! Прекрасная погода.

Мне удалось только выдавить в ответ еле слышное «добрый». Не зная, что делать, куда бежать, я развернулась и помчалась обратно в церковь, захлопнула за собой железную калитку и укрылась в коридоре. Я лежала на полу, пытаюсь унять колотящееся сердце, мысли скакали в голове, как бешеные. Постепенно шум в голове успокоился, и я поняла, что за тот год, что мы прожили в церкви, я практически не общалась ни с кем, кроме Мота и наших двоих детей, когда те звонили или приезжали в гости. Выходя на улицу одна, я старалась ни с кем не разговаривать; если же мы были вместе с Мотом, то он болтал за нас обоих.

Пыталась ли я хоть с кем-нибудь поговорить с тех пор, как мы здесь поселились? В магазине я могла бы поболтать с продавщицей, она часто спрашивала, помогая мне складывать покупки: «Вы к нам насовсем переехали? Я вас все время вижу. А откуда вы переехали – похоже, из Корнуолла?» Она заговаривала со мной много раз, но я всегда уходила от ответа, просто бормотала ей «спасибо», хватала сумку и убежала. Иногда прохожие останавливались, чтобы через ограду полюбоваться фасадом высокой, внушительной церкви, и задавали мне вопросы о ее истории. Я отвечала, что ничего не знаю, но могу позвать Мота, который знает. После этого удирала за церковь и уже не показывалась оттуда. Выходя за дверь, я всегда находилась в состоянии повышенной тревож-

ности, болезненного осознания всего вокруг. Когда мы шли по тропе с рюкзаками на спинах, никаких проблем с общением у меня не возникало, так почему же теперь, в деревне, мне так важно оставаться невидимой? С трудом обретенные на тропе песчинки веры в себя пропали, растворились, исчезли в наползающем с моря тумане. Рассердившись на себя, я села. Это просто смешно – столько времени избегать общения с людьми. Я слишком долго потакала своей слабости.

Я нашла ноутбук и включила недавно найденный канал с уроками медитации. Сидевший со скрещенными ногами на полу гуру мягко обратился ко мне: «Сделайте вдох и следите за выдохом, сосредоточьтесь на дыхании. Отпустите все свои мысли и следите за дыханием».

Я следила за дыханием. Это у меня получалось превосходно, будто я специально для этого родилась. Но даже во время медитации в мою голову то и дело прокрадывался настырный звук. Голос из какой-то скрытой, сломленной, подавленной части меня самой, который отказывался молчать. Глубокий требовательный звук, похожий на вопрос.

Зазвонил телефон. Ну наконец-то!

– Где ты? Только не говори, что ты в Сент-Айвсе! – В прошлый раз он забыл, куда едет, и позвонил мне из кафе в городке на северном побережье, в часе езды от университета. Может быть, на этот раз он направился на запад.

– Нет, не сегодня. На парковке я встретил одну студентку, и она наконец набралась смелости спросить, что я делаю в

Корнуолле и в университете. – Моту было нелегко учиться в одной группе с двадцатилетними; они как будто жили в совершенно другом мире.

– Поверить не могу, что тебя только сейчас об этом спросили. И что ты ей сказал?

– То же самое, что мы обычно говорили на тропе: что мы продали свой дом и я пошел учиться, чтобы заняться преподаванием.

– Даже и не соврал, так, полуправду сказал. Но теперь она расскажет всем остальным. Сможешь поддерживать эту версию?

– Во всяком случае, мне не придется объяснять, как мы потеряли дом и стали бездомными, – так проще, – но зато теперь меня все будут считать богатым чудаком в приступе экзистенциального кризиса.

– И будут не так уж неправы.

Узнав, что Мот благополучно добрался, куда нужно, я с облегчением опустилась на стул. Если бы только я справлялась с переменой в нашей жизни так же хорошо, как он! Он просто оставался собой – общительным, открытым, компанейским Мотом, – хотя и не всегда понимал, где находится. Запутанные нити наших жизней потихонечку начинали выпрямляться, но что-то грызло меня изнутри, мешая обрести покой. Не только болезнь Мота, но и что-то еще, что-то в глубине темной путаницы моих собственных мыслей. Среди ночи, когда я открывала дверь и искала взглядом небо, но не

находила ничего, кроме тонкой серой полоски между церковью и скалой, когда выходила на улицу, полную народу, и мне негде было спрятаться ото всех. Тогда я шла по тропе на скалы и стояла там, подставив лицо ветру, ощущая силу природы – нечто реальное. И все это время голос в моей голове понемногу креп, как ветер, несущий с моря бурю. Или это был голос моей матери, говоривший «я же тебя предупредила»? Трудно определить.

Постелив себе в палатке в первый день нового года, я решила, что с бессонницей покончено: я просто соскучилась по своей палатке, но теперь-то все будет хорошо. Я высплюсь, окрепну, возьму себя в руки и уж тогда-то сосредоточусь на строительстве нашей новой жизни в деревне и на том, чтобы Мот больше не терялся. Я свернулась калачиком под зеленым куполом в углу спальни, вдали от людей и от мира, не подозревая, что через несколько дней окажусь на другом конце страны, за тридевять земель и от моря, и от палатки.

3. Hireth²

Смерть разгуливала по больнице, но у ее койки не задержалась. Смерть лишь мельком взглянула на нее, сидевшую очень прямо, – волосы аккуратно причесаны, новая синяя кофта застегнута на все пуговицы. Нет, ее час еще не пришел, не сегодня, не в воскресенье. Сегодня воспаление легких немного утихло, я сидела у изголовья ее кровати, и мы вместе листали глянцевый журнал. Всего через несколько дней после начала нового семестра у Мота мне позвонили. Это был тот самый звонок из больницы, о котором ты знаешь, что когда-нибудь он раздастся, но никогда не можешь предугадать. Маму забрали в больницу с воспалением легких. Врачи считали, что у нее начинается сепсис и мне нужно срочно приехать. И вот три дня спустя ей стало настолько лучше, что ее хотели даже отпустить домой.

– Может, завтра ты принесешь лак для ногтей и сделаешь мне гламурный маникюр, как у девушек из журнала? Будет нам хоть какое-то занятие, а то мне становится скучно.

После затхлого больничного воздуха я с облегчением вы-

² Hireth – в переводе с валлийского «тоска по дому».

шла в холодную темноту позднего январского вечера. Захлопнула дверь фургона, завела мотор и поехала в мамин крошечный домик. Я ехала по сельским улочкам, таким знакомым, что и с выключенными фарами без труда добралась бы, куда ехала – в тепло ее кухни, полной привычных ей вещей. В мамин дом, но не в дом моего детства. Дом, где я выросла, сформировалась и стала собой, стоял неподалеку, на дне долины, невидимый в черной тишине неосвещенной сельской местности. Я чувствовала его присутствие совсем рядом. Завтра поеду в больницу попозже, может быть, днем. А перед этим прогуляюсь по знакомым полям, там, где когда-то оставляла свои еще маленькие следы.

Выйдя в зимнее утро, я остановилась на теплом и уютном открытом крылечке коттеджа, дотянулась до карниза и положила туда ключ, очень осторожно, чтобы не потревожить старое и пыльное ласточкино гнездо. Птицы выбрали прекрасное место, первое утреннее солнце рано прогоняло отсюда ночной холод. Они вернутся весной и начнут конопатить свежей грязью трещинки в своем старом доме, удивленно ныряя в сторону каждый раз, как будет открываться дверь. Я прошла по саду мимо росистой травы и голых стеблей роз к тропинке, которая спускалась в туманную лощину. Видимость была плохая, но я слышала на озере крики диких

гусей, канадских казарок. Впрочем, даже не видя их, я знала, что там происходит. Первые весенние перелетные птицы нарушили налаженную жизнь гусей, которые решили остаться и зимовать дома. Еще не пришло время строить гнезда, так что сейчас гости и хозяева просто препирались за еду и территорию.

Миновав озеро, я еще некоторое время слышала их крики сквозь туман, а потом меня обступили мои корни, мое детство, истоки всего, чем я стала, местность настолько знакомая, что я могла бы нарисовать ее даже с закрытыми глазами. Ферма подождет; сначала пройду по полям и посмотрю на нее издали, потяну время, впитаю впечатления.

Я прошла лесопилку, где многие поколения деревенских жителей пилили древесину на дома и заборы. Здесь когда-то лежали стволы громадных дубов, вязов и буков, моим детским глазам они казались необъятными, высокими до неба. Теперь и след их простыл. Древесина попилена, пилы увезли, вместо запыленных окошек вставлены двойные стеклопакеты, у двери растут розы. Я вышла из тишины буковой рощицы, росшей на холмике над рядом коттеджей, и направилась в сторону горы, глядя, как в желтом утреннем свете начинает рассеиваться туман. С возвышения мне были видны домики, где когда-то жили наемные работники, обслуживавшие поместье. Плотник-шотландец с женой занимали дом покрупнее, с большим садом и огородом, чтобы кормить своих пятерых детей; посередине жили водопроводчик с же-

ной, которую никто никогда не видел; а в последнем обитал садовник. Пока я поднималась в горку, от домиков отъехала первая машина: кто-то направлялся на работу в город из своего современного коттеджа со всеми удобствами в сельской местности. На самом деле поросший травой склон был вовсе не горой, а полем на откосе крутого холма, но так уж мы его называли. Я знала, что отсюда, отвернувшись от увенчанной деревьями вершины холма, увижу свой дом. И действительно, он лежал в долине, порозовевший в утренних лучах солнца. Любому другому человеку он показался бы просто каменным сельским домом, но я видела его во всех подробностях. Створчатые окна главного фасада, крошащиеся кирпичи, шиферную крышу, а за ними невидимый выступ – дом был построен в форме буквы «Т». Я почти слышала его присутствие.

Я пошла дальше через «Высокое поле», самое большое на ферме, где всегда выращивали овощи. Не одно лето я провела здесь, шагая за механической картофелекопалкой, которая методично прочесывала вздувшиеся ряды, раскидывая молодые клубни в мягкой кожице по влажной земле. Я шла согнувшись, собирая картошку в ведерко, ведерки потом высыпались в мешки, мешки складывались на телеги, с телег они попадали в сараи, из сараев – в грузовики, из грузовиков – в магазины и кафе. Здесь же я проводила и зимы, сырые и морозные, срезая садовым ножом ботву с репы и бросая в маленькую деревянную тележку, чтобы потом отвезти ее

назад на ферму и сбросить в измельчитель, на корм быкам. Пока мои одноклассники играли со своими игрушками или на детской площадке, я была здесь. На солнце и ветру, руки по локоть в грязи, наедине со своими мыслями. В те редкие случаи, когда я все же проводила время с другими детьми, я чувствовала себя чужой. Позже, уже подростком, я хотела быть такой же, как мои школьные подружки, увлекаться одеждой и косметикой. Но как ни старалась, у меня всегда было чувство, что одной ногой я стою на танцполе, а другой увязла в грязи.

Спустившись с холма, я прошла через высокий лиственный лес, где весной вырастал ковер из голубых пролесок, а летом качались смолка и лесной купырь. Много дней я провела на опушке этого леса. В десять лет я должна была, наверное, играть с друзьями, но вместо этого сидела в одиночестве на границе леса и поля и смотрела, как в траве скачут кролики. Сотни диких бурых существ паслись в полях, уничтожая озимые не хуже саранчи. Я любила стоять у изгороди, почти полностью скрываясь в ее тени, и дожидаться, пока на холм наплывет коричневое облачко, а потом выскакивать из укрытия, изо всех сил хлопая в ладоши, и смотреть, как кролики резко поднимают головы от еды, а потом стремглав бросаются к своим норкам, словно грязная вода, утекающая в раковину. Когда я подросла, то перестала хлопать в ладоши и часами просто наблюдала за иерархическим устройством коричневого кроличьего мира. Старшие живот-

ные выбирались далеко в поле, молодняк оставался поближе к укрытию, а часовые несли караул: они не опускались к земле, чтобы поесть, а стояли на задних лапках, присматриваясь, прислушиваясь и, если что, подавали сигнал об опасности. Как только они начинали с глухим стуком барабанить мощными задними лапами по земле, вся стая бросала еду, мчалась к отверстиям в склоне холма и исчезала в них.

Дойдя до домика егеря на опушке леса, я всмотрелась в поле, но увидела только зелень. Я остановилась и похлопала в ладоши в ожидании бурых теней. Ничто не шелохнулось: поле будто застыло в холодном, влажном зимнем воздухе. Здесь, в вольерах, окруженных высокой железной оградой, егерь когда-то держал гончих для лисьей охоты. Они громко лаяли каждый раз, когда кто-то проходил мимо, и звук отдавался по всей долине. Это были крепкие, сильные, мускулистые собаки, и егерь ходил среди них совершенно спокойно, они лизали ему руки, как домашние любимцы, а вовсе не как безжалостные убийцы. Мне приходилось видеть, как они разрывают лису на части, и мне даже не нужно было запрещать подходить к ним; ни за какие коврижки я бы к ним не приблизилась.

Домик егеря стоял в дальнем углу «парка», поля, где держали овец в период ягнения. За домом поле шло вниз, и как раз сюда, в уголок между лесом и вольерами, под кроны деревьев, рядом со страшными охотничьими собаками, приходили рожать овцы, беззащитные перед лисами, жившими

на опушке. Раз за разом овцы выбирали именно это место, когда им пора было ягниться, надеясь, что присутствие собак удержит лис от нападения. Приходили сюда, потому что могли найти здесь укрытие в момент уязвимости. Парадокс на лесной опушке. Но теперь железная ограда исчезла, вольтеры превратились в бунгало, а перед домиком егеря стоял новенький внедорожник. Изменилось и еще кое-что. Проходя по местам, которые были мне так хорошо знакомы, как если бы я уехала отсюда только вчера, я везде чувствовала эту перемену. Да, исчезли деревенские жители, их место заняли пенсионеры и люди, едущие в город по делам, поместье лишилось своего рабочего сердца. Но это произошло уже давно, а перемена проникла глубже, и я никак не могла ее сформулировать. Пожав плечами, я удовлетворилась тем, что, возможно, все дело во мне; может быть, это я теперь смотрю на все другими глазами.

Я пошла дальше по полю. Когда старый дом был главным хозяйским домом в усадьбе, здесь располагался основной подъезд к имению, посыпанная гравием дорога, обсаженная дубами. Но в XVIII веке хозяева поместья выстроили новый особняк, а старый оставили ветшать. Из аллеи уцелели всего два дуба, кора на них потрескалась от старости, ветви искривились, но еще тянулись в небо в поисках последнего солнечного луча. Корни разбухшими узлами бугрились у основания стволов; один из них был настолько велик, что образовал что-то вроде шишковатого сидения. Я присела на

него, чтобы полюбоваться видом. Мне слышалось эхо моих собственных шагов: в детстве я часами играла вокруг этого дерева, перескакивая с корня на корень. Это происходило не от скуки и не от нечего делать – скорее, я была зачарована.

Места моего детства простирались передо мной. В низине, на дне лощины, как в чаше: отсюда разбегались все тропинки моей жизни. Солнце стояло выше, и кирпичи уже не казались розовыми, они вернули себе законный оранжево-красный цвет. Каждый раз, попадая сюда, я невольно удивлялась – я по-прежнему ожидала увидеть огромную плакучую иву, которая когда-то стояла перед домом, закрывая его, пряча его секреты. Зажмурившись, я и сейчас слышала, как перешептываются ее ветви, качаясь у самой земли. Я бегу к этому зеленому занавесу, мои ручки тянутся к тоненьким побегам, хватаются за них, и вот я уже раскачиваюсь на верхушке дерева или просто прячусь в листьях, выглядывая наружу. Голос мамы, гневный, напряженный, повелительный: «Слезь оттуда! Сколько раз тебе повторять?» Но я не слезаю; покачиваюсь среди зелени, прижавшись к ветке, и смотрю сквозь нежные продолговатые листья, как родители разыскивают меня, раздвигая побеги.

«Эти ветки нужно убрать. Подрежь их так, чтоб она не доставала».

И вот каждую весну дерево подрезали так, что ветви свисали с верхушки коротеньким каре. Но ива растет с непревзойденной скоростью, так что к середине лета листья уже

снова подметали землю, и моя жизнь под зеленым куполом возобновлялась.

В кармане зазвонил мобильник, вернув меня к реальности. Я открыла глаза, мамин голос затих вдали, дерево исчезло, фасад дома стоял оголенный. Идеально пропорциональный фасад в пять окон, крыльцо в георгианском стиле с отполированными ступенями. Скрывать больше нечего, никто не прячет тайн за завесой из листьев.

– У вашей матери был инсульт. Приезжайте немедленно.

– Но как? Она же выписывается в среду – вы же сказали, что ей лучше?

– Приезжайте, мы обо всем поговорим на месте.

Я вернулась в надоевшую душную жару больничного крыла, и медсестра провела меня в кабинет врача.

– У вашей мамы был инсульт. Ишемический инсульт в бассейне передней мозговой артерии. Состояние тяжелое и пока прогрессирует.

– Прогрессирует? Но она ведь в больнице. Просто дайте ей лекарство, которое его остановит.

Доктор покачал головой, лицо его выражало нечто среднее между жалостью и раздражением.

– А как же рекламные ролики «останови инсульт»? Те, в которых говорится, что, если вовремя распознать признаки,

человека можно спасти? Она ведь уже в больнице, где как не здесь могут вовремя распознать все признаки инсульта? И что это вообще означает – «в бассейне передней мозговой артерии»?

– Это значит, что у нее обширный ишемический инсульт. Мы не узнаем подробностей, пока не сделаем снимки, но уже сейчас можно сказать, что инсульт тяжелый и обширный.

– Обширный?

Когда ее вкатывали назад в палату, она неподвижно лежала на койке. Соседи по палате молча наблюдали за нами, и я видела на их лицах замешательство. Это было отделение респираторных заболеваний; пациенты привыкли к виду кислородных масок и медсестер, но подобное было для них в новинку. Сестра задернула вокруг нас голубые занавески, и мы с мамой остались вдвоем. Вернулся доктор с результатами анализов и заговорил со мной приглушенным голосом.

– Похоже, ее тело полностью потеряло чувствительность; затронуты все системы. Как я уже говорил, это инсульт в бассейне передней мозговой артерии; его эффект сродни удару молотком по голове. Некоторые органы у нее работают, легкие функционируют; мы не знаем, как инсульт повлиял на ее мозг, но скорее всего, она больше не придет в сознание. Сделать ничего нельзя; ей осталось недолго.

Я поправила прядь волос, упавшую ей на глаза. Она всегда так беспокоилась о своей прическе. Аккуратно стриглась, делала перманент и каждую неделю накручивала волосы на бигуди. Даже на картофельном поле она повязывала на густо залитую лаком прическу платок. А в мои подростковые годы состояние моих волос было у нас постоянным поводом для ссор.

– Мама, ты меня слышишь? Я здесь, – я взяла ее безвольную руку в свои, погладила пальцы, все еще крупные и сильные. – Я здесь.

Ее глаза медленно раскрылись; губы беззвучно зашевелились, и я заглянула в самую глубину ее серо-голубых глаз. Страх, замешательство, дикий зверь в панике.

– Мама, ты в больнице, у тебя был инсульт, но теперь все хорошо, я здесь. – Я увидела в ее глазах ужас и узнавание, и горло мне перехватил тошнотворный спазм. Она была жива и в сознании, запертая в ловушке собственного парализованного тела. – Просто закрой глаза, мама, постарайся поспать, это поможет.

Поможет кому? Ей это не поможет.

Пока она спала, я подстригла ей ногти, пилочкой придала им форму, а потом накрасила ее любимым перламутрово-розовым лаком. Закончив, я опустила мамины руки на кровать,

розовые ногти странно выделялись на ее широких кистях. На ночь приглушили свет, и я осталась сидеть в голубом кресле, глядя, как скачут вверх и вниз цифры на мониторе.

4. Бежать

«Не ходи в лес. Егерь ставит на лис капканы, которые за- просто оттяпают тебе ногу, вот так! – Мама хлопает в ладо- ши и переплетает пальцы, изображая, как железная ловушка захлопывается и откусывает мне ногу. – Ты сама все знаешь – сколько раз тебе повторять? Но вазу все равно возьми».

Я осторожно складываю охалпку пролесок на стол и иду в кладовку за вазой. Оттуда слышу, как домой возвращается папа.

«Какого черта, она что, опять в лес ходила? Убери отсюда эту вонючую дрянь. – Через щелку в двери мне видно, как он сметает пролески со стола и вышвыривает их в сад. – Ну- ка, выходи из кладовки. Тебе нельзя ходить в лес, никогда, слышишь! Надевай ботинки. Если тебе нечем заняться, пой- дешь со мной работать».

Прошли два дня, а мама все еще дышала; свет сознания в ее глазах постепенно затухал, но тело продолжало бороться за жизнь. Ее перевели в отделение для инсультников, где медсестры лучше понимали, что ей нужно. Похоже, больше всего ей нужна была пища, но глотать она не могла: ее горло не воспринимало сигналов мозга. В то утро они собирались

вставить ей через нос в горло трубку для кормления, чтобы жидкая пища поступала по ней прямо в желудок. Накануне вечером темноволосая медсестра объяснила мне, как все будет происходить: «Лучше тебе не приезжать, пока доктор не закончит процедуру, дорогуша. Смотрится это страшней, чем есть на самом деле; лучше отдохни с утра и приезжай попозже».

Так что я отправилась в Черный лес. Это не был обдуманный или запланированный поступок, меня потянуло туда инстинктивно, непроизвольно. Ребенком я знала, что в лесу опасно, взрослые много раз меня предостерегали, но я шла туда все равно. Мне нужно было в лес. И вот теперь, почти пятьдесят лет спустя, все та же тяга привела меня туда же и усадила на поваленный ствол среди деревьев. Весной здесь появлялся ковер из пролесок – тысячи, миллионы танцующих голубых головок повсюду, куда ни глянь. Несмотря на стену темных сосен, пролески выдавали в этой местности древний лиственный лес. Эта древность до сих пор ощущалась в воздухе, темная, укрытая от глаз, заповедная, потусторонняя, а в самом центре ее, в сердце леса, была территория егеря. Здесь-то и стояли фазаньи вольеры.

Большая поляна была окружена высокой изгородью для защиты от лис, а за ней, вокруг деревянных вольеров, стоял еще один заборчик, пониже. Здесь из крошечных птенчиков выращивали взрослых фазанов. Притаившись на корточках в кустах, я часами смотрела, как егерь ухаживает за малю-

сенькими пушистыми шариками, не старше нескольких дней от роду, но уже с отчетливыми полосками на спинках. По мере того как они росли, он переводил птенцов из одного вольера в другой, пока они не превращались в щуплых неказистых подростков, готовых выйти на свободу. Тогда их выпускали из вольеров, и они начинали свою жизнь под прикрытием высокой изгороди. Это были ручные птицы, они разгуливали свободно, но к ужину всегда возвращались домой. Вечерами, перед наступлением темноты, егерь приходил с мешком и рассыпал в листве зерно. И свистел. Низкий, повторяющийся, монотонный свист. Фазаны знали его и со всех ног неслись на этот звук, сотни доверчивых птиц бежали к своему хозяину, к человеку, который был для них источником еды и защиты всю их коротенькую жизнь. Тогда я бесшумно кралась обратно домой, чтобы успеть до темноты.

Вновь вернувшись в лес, я по привычке подобрала длинную палку и ворошила листья впереди себя в поисках лисьих капканов, ритмично двигая ею из стороны в сторону, как в детстве. Но капканов давно уже не стало. Отодвинув листья в сторону, я случайно обнажила отверстие в земле, глубокий лаз. Куда больше кроличьей норы, но поменьше барсучьей: лисье логово. Но лис в нем не было; вход был засыпан сухими листьями, а вокруг никаких следов. Лисы ушли, отправились в другие края.

Мне не понадобилось пролезать под оградой фазаньего загона; она была сломана и смята, и я свободно шагнула

внутри, мимо тяжелой калитки, свисавшей с петель. Внутри земля поросла папоротником и колючими кустами, но я все еще слышала свист егеря. Рано или поздно у всех молодых фазанов отрастали маховые перья, и тогда егерь открывал калитку. В этот день он свистом подзывал их, стоя снаружи загона, и они выбегали за ним в лес, клюя свое зерно, не замечая, что калитка за ними захлопнулась, не подозревая о том, что ждет их впереди. Взрослая жизнь, в которой они были совершенно свободны. Свободны либо жить дикими птицами, либо каждый вечер возвращаться к зерну и свисту, что они обычно и делали, всецело доверяя своему хозяину. Но однажды он приходил без зерна, зато с лающими собаками, которые гнали фазанов вперед до тех пор, пока на краю леса они не поднимались в воздух, хлопая крыльями и пронзительно крича, и не летели прямо на поджидающие их ружья.

Что-то здесь изменилось. Давно исчезли вольеры, фазаны, лисы и егерь. Но перемена проникла глубже, хотя я и не могла понять, в чем она заключается. Я знала, что пролески никуда не исчезли, они ждут в холодной земле, чтобы вновь появиться, когда дни станут длиннее. Точно так же, как в тот день, когда я собрала их целую охапку, надеясь наполнить ароматом цветов наш темный дом и утешить маму, которая плакала над раковиной после того, как папа швырнул на стол смятый конверт и выбежал вон. Как и тогда, никакие пролески не смогли бы скрасить сегодняшний день.

Из ноздрей у нее торчали трубки, они, как инопланетные щупальца, тянулись от ее лица, красного и начавшего покрываться гематомами. Я причесала ее, пытаюсь проглотить свой ужас. Глаза ее были закрыты, но, когда они открылись, из них потекли слезы, и она отвела взгляд. Я сидела рядом и держала ее за руку, зная, что она не чувствует моих прикосновений.

– Ну что, моя хорошая, теперь все на месте? Скоро еще разок попытаемся пообедать. – Медсестра повернулась ко мне и поманила за занавески. – Скорее всего, ничего не получится – ее желудок отвергает еду, вероятно, на него тоже повлиял инсульт. Мы еще раз попытаемся ее покормить, так что пойдите пока попейте чайку, а доктор побеседует с вами позже.

У меня в голове забрезжила какая-то мысль, но я подавила ее, заглушив этот шепот.

Отчаянно нуждаясь в свете и воздухе, я выскочила на улицу и быстро пошла от больницы по дорожке к парку, вверх по холму, на который не поднималась много лет. И вот я на месте. На деревянных ступеньках, ведущих через живую изгородь из боярышника и орешника, над широкой речной долиной, на дне которой простирается город. Впервые я поднялась по этим ступенькам еще девочкой-подростком, десятки

лет назад. Я шла по грязной тропинке на окраине города в темноте, но как только поднялась по ступенькам, город вдруг перестал быть серым и скучным и озарился миллионом огней. Это было похоже на сказку. Тогда он схватил меня за руку, мальчик в полушинели, его волосы развевались на холодном ветру.

– Подожди, постой тут, не спускайся пока. Посмотри – вот что я хотел тебе показать. Ночью все преобразается, реальность исчезает, и мир становится совсем другим.

Я никуда и не собиралась. В моей юной жизни не было момента прекраснее, чем когда Мот расстегнул длинное синее пальто, прижал меня к груди, и мы вдвоем стали смотреть на мерцающий город и огни, мчащиеся по автомагистрали.

– Знаешь, я никогда еще ничего подобного не чувствовал, но, кажется, я люблю тебя.

Я повторяла его слова про себя, пока они не превратились в сияющий шарик тепла у меня внутри. Мне никто раньше такого не говорил. Так не говорили в реальной жизни, в моей жизни, у меня дома. Это были слова из фильмов и книг, слова, которые открывали мир ярких красок, страсти, полноты жизни, и я погрузилась туда с головой, упиваясь красотой, безопасностью и новыми возможностями.

Тем холодным, мрачным январским днем я вспомнила это волшебное чувство, чтобы унять панику. Деревянные ступеньки прогнили, они едва выдерживали мой вес, город внизу висел в промозглой сырости, шум машин все нарастал. Но

тепло, окутавшее меня в ту ночь рядом с Мотом, я ощущала с тех пор каждый день, и именно о нем я думала, шагая назад к больнице и усаживаясь на стул в приемной врача.

– Боюсь, кормление через трубки не работает. Ее желудок отвергает пищу. Мы точно не знаем, почему: потому что перестал функционировать весь желудок или только его верхняя часть.

– Что вы хотите сказать? – Он говорил так буднично, так рутинно; неужели он действительно пытается сказать то, что мне кажется?

– Мы считаем, что трубки надо вынуть, потому что они явно ее тревожат и мешают ей.

– И что тогда?

– Мы можем хирургическим путем вставить зонд ей в желудок, но с этим тоже есть сложности. В любом случае, мы сделаем все, что сможем.

Я все никак не могла взять в толк, что он говорит: сложности?

– Пожалуйста, говорите уже без обиняков. Просто скажите, что происходит. Скажите правду.

– Даже если мы вставим зонд в желудок, не исключено, что ее организм продолжит отвергать пищу. И даже если этого не произойдет, остается еще проблема инфекции. Рано или поздно инфекция все равно станет причиной смерти.

Я не могла говорить, меня совершенно загипнотизировали движения его губ, из которых продолжали выпадать сло-

ва. Сухие слова из учебника, которые его совершенно не трогали и которые я сама попросила мне сказать.

– Что случится, если не сделать операцию?

– Она умрет от инсульта. Долго она не протянет, поражения слишком велики.

– То есть она не выживет в любом случае, вопрос только в том, сколько ей осталось.

– Да.

– Но если вы введете зонд, ее постепенно убьет инфекция. Как скоро, сколько у нее времени?

– Максимум девять месяцев, если ее желудок способен принимать жидкость и если пищеварительная система все еще работает.

– А если не использовать зонд?

– Мы отменим антибиотики и капельницу, пневмония вернется, и из-за неспособности глотать она захлебнется.

– Захлебнется?

– Подавится собственной слюной. Вероятно, она умрет через два-три дня.

Снова эти слова. После того как Моту поставили диагноз, мне месяцами снились связанные с ними кошмары. Я попыталась не допустить их в свое сознание, но они повисли в голове оглушающим шепотом. Захлебнется.

– Но почему? Почему вы отмените антибиотики и капельницу, это же полное безумие?

– Потому что без желудочного зонда она умрет от голода,

так что мы вынуждены будем перейти в фазу невмешательства, если только до этого у нее не откажут какие-нибудь еще органы.

– Как вы сами считаете, что нужно делать?

– Мы считаем, завтра или послезавтра нужно вставлять зонд, потому что это следующий шаг. Но решение за вами.

Решение за мной? Я встала, чтобы выйти, и мне пришлось ухватиться за стул; ноги превратились в желе. Он хочет, чтобы я решила, как и когда умрет моя мама.

Я вернулась к ней в палату, она спала. Я попыталась обратиться с мыслями, но они мчались слишком стремительно, полвека воспоминаний о сдержанности, контроле и холодности. Как я могу принять решение, не окрашенное нашим совместным прошлым? Мне срочно нужны были воздух, и небо, и ветер, воющий в деревьях, и вороны, которых сдувает с курса, и капли дождя на лице; мне нужно было что-то реальное, я побежала и все не могла остановиться.

Через мокрый луг, который зимой всегда затапливало. Мимо сточной канавы, где я любила лазить и бродить в резиновых сапожках по колено в воде, между земляных берегов, тыкая палкой в норки водяных землероек. Через маленький кирпичный мостик над рекой, где собирались утки-кряквы. Через ворота, где мама выставляла фляжки с чаем жаркими летними днями, когда в поле всюю шла заготовка сена. За глиняный карьер с гладкими мокрыми берегами, по которым я каталась в диком детском восторге, с ног до головы в грязи.

Вверх по холму с гребнем посередине, на котором так весело было подлетать на санках зимой. Туда, где мне было все равно, что теперь это чья-то чужая земля, она никогда и не принадлежала нам. Я бежала и бежала.

В лес. Темная неподвижная тишина сосен. Никакой жизни: ни танцующих ярких листьев летними днями, ни птичьей песни весной. Безмолвие. Я лежала на сухой мягкой земле, сжимая в горстях хрусткие мертвые сосновые иголки, пока стук крови в голове не успокоился. Настоящее; все это было настоящее. Эта земля, эта местность, эти деревья. Настоящее и безопасное.

Спрятавшись в темноте прямых вертикальных стволов, я стала невидима, а мое существование – призрачным. Я всегда находила поддержку и утешение в этих деревьях, разве что раньше они были низкими и пушистыми, а теперь выросли и покачивались на ветру. Что бы ни случилось в моей юной жизни, я приходила сюда, в это дикое место – зверушка, которая смотрит на мир людей, укрывшись за деревьями. Прошла целая жизнь, с самого детства и до пятидесяти с лишним лет, и все эти годы сжались сейчас до размера одного мгновения, одного решения. Глядя сквозь деревья, я видела деревню, раскинувшуюся в долине от старого дома на ферме до маминого коттеджа и кладбища за церковью: весь ее жизненный путь от начала до конца. Моя собственная жизнь тоже была плотно переплетена с этими деревьями и полями. Закрыв глаза, я ощутила ветер в вершинах де-

ревьев, колючесть иголок и слабый запах сосен, который заполнил мою больную голову. Столько потерь. Мне хотелось, чтобы мягкая земля всосала меня в себя и сомкнулась надо мной, укрыла меня от новых утрат.

Понемногу мысли начали успокаиваться, укладываться в голове в послеполуденном затишье. У меня не было выбора; я уже знала, какое приму решение. И однако сама мысль о нем казалась невыносимым предательством. Эта сильная, независимая девяностолетняя женщина гордо рассказывала мне о том, как первой из женщин своей деревни стала носить брюки и как остальные деревенские жители осуждали ее за это. Ее подростковый возраст пришелся на предвоенное время, и тут как раз в деревне появились пьющие, курящие, одетые в брюки девушки из Земледельческой армии³. Эти молодые женщины вырвались из рамок своих привычных жизней и ухватились за новый мир, открывшийся им в пустоте, которую оставили после себя ушедшие на фронт мужчины. Мама никогда не говорила об этом напрямую, но у меня сложилось впечатление, что ее ужасала их полная противоположность ее строгому викторианскому воспитанию и в то же время восхищали новые возможности. Одна из женщин-добровольцев особенно сильно повлияла на нее: артистичная, начитанная Глин. Они сдружились, и Глин потом

³ Женская земледельческая армия (англ. Women's Land Army) – женская гражданская организация в Великобритании времен мировых войн. Ее участницы заменили в сельском хозяйстве мужчин, ушедших на фронт.

навещала нас всю жизнь, ежегодно появляясь в воротах безо всякого предупреждения в своем фургоне, с кипами книжек для меня и шоколадом для мамы. Она носила короткие прически и мужские пиджаки и, казалось, всегда привозила с собой возможность какой-то другой жизни. Глин проводила у нас день-другой – папа на это время исчезал в полях, возвращаясь домой, только чтобы поесть и поспать. Потом она уезжала. Проснувшись утром, я видела, что ее фургон исчез, и принималась за оставленные мне книги.

С годами количество книг, подаренных Глин, все росло, как и моя способность раздражать маму. Худшим наказанием в ее арсенале было не пустить меня гулять и отправить в комнату, где мне приходилось коротать солнечные дни за чтением. Когда я была маленькой, меня это раздражало, но скоро перестало быть наказанием, и иногда я нарочно учиняла какую-нибудь шалость прямо с утра, чтобы пойти спокойно дочитывать книгу. В другие дни я лазила по деревьям и забиралась в ручьи, с удовольствием вспоминая, что дома меня ждет «Зов предков» Джека Лондона. Либо всегда можно было перечитать «Кольцо светлой воды»⁴, «Обитателей холмов»⁵ или любую другую книгу, которая переносила меня в места обитания диких зверей. Я начала мечтать о том, как тоже напишу книгу, и вместо чтения стала пробовать писать рассказы. Я представляла, как беру в руки собственную кни-

⁴ Книга Гейвина Максвелла о выдрах.

⁵ Книга английского писателя Ричарда Адамса о жизни кроликов.

гу с пингвинчиком на корешке⁶. А потом нашла то письмо, и мечты вместе с книжками пришлось надолго отложить на полку, потому что наступило время жесткой реальности.

В мамином коттедже я отыскала чистую ночную рубашку и полотенце, сложила их в сумку. Теплые носки: ноги у нее постоянно холодные, как лед, нужно взять носки. Но в ящиках шкафа их не было. Вся одежда нашлась, но ни одного носка; я перерыла все по второму разу и под стопкой аккуратно сложенных носовых платочков увидела его – смятый, надорванный конверт. Он выглядел точно так же, как тогда, в детстве. Мама так и не сказала мне, что это было за письмо, так что я продолжала его разыскивать. Годами. Наконец, я отказалась от поисков, решив, что письмо выкинули, но когда мне было двенадцать, случайно нашла его в корзинке с шитьем. Это было как найти тайное захоронение на археологических раскопках: ты знаешь, что вот-вот заглянешь в иной мир, который всегда был рядом, но скрывался от глаз. Надо же, столько лет спустя она все еще хранила это письмо. Мне не нужно было его читать, я давно знала, что там написано, но все равно достала его из конверта. Знакомые слова,

⁶ Пингвин – логотип одного из крупнейших британских издательств, Penguin Publishing, чьи недорогие издания сделали литературу доступной широкому кругу читателей.

всего лишь черные строчки на белой бумаге, но я полжизни размышляла о том, как они повлияли на жизнь моей семьи, окрасив ее новыми красками. Годами я пыталась сложить в голове собственную версию произошедшего и использовать ее как ответ на множество вопросов. Поля, лес, земля, на которой я выросла, – все это нам не принадлежало. Мы были всего лишь арендаторами. Папа хотел знать, как наследуется владение на правах аренды, и в письме как раз содержался ответ на этот вопрос. Аренда не будет передана по наследству; со смертью владельца поместье со всеми фермами и домами будет продано, и аренда закончится. Новый владелец может возобновить ее, а может и не возобновлять. Я не останусь на ферме навсегда – мне придется покинуть ее, искать работу и строить новую жизнь. Узнав об этом, я отложила тетрадки и ручки в сторону; рассказам о диких зверях пришел конец.

Все мамины носки обнаружили в пластиковом пакете под кроватью. Зачем она сложила их туда? Я выбрала две пары и вернулась в больницу.

С новой сменой появился и новый доктор, очередное незнакомое лицо.

– Мы можем взять ее на операцию по постановке зонда завтра утром. Само собой, в ее состоянии анестезия связана

с определенным риском.

– Нет.

– В каком смысле?

– Нет, она бы этого не захотела. Ей бы не понравилось беспомощно лежать и полностью зависеть от других. Она бы этого просто не вынесла. Я знаю, что ей и сейчас это неприятно.

– Но это нужно сделать. Это следующий шаг.

– Не нужно, не нужно. Просто оставьте ее в покое. Это то, чего она бы хотела. – А я точно это знаю? Я уверена? Разве можно вообще принять такое решение и быть уверенной, что оно объективно? Если я буду гнуть свою линию, не придется ли мне до конца жизни сомневаться в этом выборе, сомневаться в себе? Разумеется, придется.

– Я не уверен, что правила это разрешают.

– Вчерашний врач сказал, что выбор за мной. Но дело даже не во мне, а в маме, и я уверена, что она решила бы именно так. – В действительности я вовсе не чувствовала уверенности в этом. Откуда ей было взяться? Произносятся эти слова, я будто слышала свист егеря из леса, долгий и монотонный.

Врач послал нас к врачу-консультанту, а тот настоял на встрече с паллиативной медсестрой, чтобы я «как следует поняла свое решение». Я сидела в очередном коридоре и ждала медсестру, а она все не появлялась. Мне ни к чему была эта встреча; я уже понимала куда больше, чем казалось врачу. За годы, миновавшие после постановки диагноза Мо-

ту, не проходило и дня, чтобы я не думала о смерти и процессе умирания. Я немало времени провела в больничных коридорах, где научилась ждать и бояться. Немало времени провела я и на открытых всем ветрам скалах, пытаясь осознать бесповоротность смерти и принять ее как часть жизни. И все равно воспринимала смерть только как сторонний наблюдатель, а не как человек, который из последних сил цепляется за свою жизнь. Так как же я могла принять решение за маму? Как? Мне нужно было, чтобы она подсказала мне, подала хоть какой-то знак.

Я не стала дальше ждать медсестру, вернулась в палату к маме, взяла ее за безжизненную руку. Глядя серую пергаментную кожу, я с трудом подбирала слова, спотыкаясь о невозможность объяснить маме, что ее долгая жизнь вот-вот закончится и что нужно принять решение. Да разве она сможет мне что-то ответить? Лучше бы я защитила ее от правды, соврала ей, что она поправится, если, конечно, она вообще что-то понимает. Наконец я сдалась и безудержно разрыдалась, слезы все лились и лились из бездонного источника утрат, который становился только глубже. Вытерев с лица слезы, я вдруг увидела, что мама открыла водянистые серо-голубые глаза. Несколько секунд она смотрела на изножье кровати, на что-то мне невидимое, а потом ее взгляд обра-

тился ко мне; не сводя с меня глаз, она едва заметно шевельнула губами. Шепот был таким тихим, что мне пришлось приблизить ухо вплотную к ее лицу.

– Амой.

– Что? Мама, что ты говоришь?

– Амой.

– Что ты говоришь? Мама, ты говоришь «домой»?

Она посмотрела мне прямо в лицо, затем ее глаза закрылись, и она вновь погрузилась в сон. Домой? Что она имела в виду?

Пришла паллиативная медсестра и села у кровати.

– Я вас ждала в коридоре.

– Да, знаю, извините, меня задержали.

Я рассказала ей про «амой» и про то, что, как мне кажется, это значит: мама хочет умереть дома, как папа, когда рак, который он так долго игнорировал, наконец взял над ним верх. Медсестра подробно рассказала маме всю ситуацию, безо всяких слез или драм. Но ответа не последовало.

– Мы не можем отпустить ее домой; уход, который ей нужен, можно оказать только здесь. Вам точно не показалось? Кажется очень маловероятным, чтобы она заговорила.

– Точно. Я уверена, мне не показалось.

Пришел врач-консультант, мы заполнили бумажки, под-

писали формы, капельницу с антибиотиками отключили, и маму выкатили из общей палаты в отдельную. Здесь царило абсолютное безмолвие. Это была палата для умирающих.

– Сколько ей осталось?

– Три, максимум четыре дня.

Я перебралась жить в мамину палату.

5. Доверие

Мне очень хотелось, чтобы рядом был Мот, чтобы он разделил со мной ужас принятия решения, хотелось физически ощущать его присутствие. Но слово «захлебнется» звучало слишком пугающе и реально; я не хотела, чтобы Мот его слышал. Какой бы смертью ни умерла мама, это будет ее смерть. Не его. Но если он будет с нами в палате для умирающих, я не смогу мысленно отделить одно от другого, а ведь мне нужно защитить его, спрятать от возможных грядущих ужасов. Спрятать его от смерти. Да и в любом случае мама не захотела бы, чтобы Мот сидел у ее постели; она была бы категорически против этого.

Мот ворвался в мою жизнь однажды в среду, волосы его были заплетены в кельтские косички, а полы поношенной полушинели развевались за спиной. Я была восемнадцатилетней девчонкой, когда он зажег мою жизнь искрой сильного электричества, которое с тех пор так и не ослабло. Неукротимый пылкий дух подталкивал его ввязываться в любую борьбу по защите окружающей среды, и он следовал одной мечте: убедить людей, что нам досталась бесценная земля, которую нужно беречь. Он неделями жил на деревьях или в

палаточных лагерях, протестуя против строительства новых шоссе, а по выходным стоял под стенами атомного комплекса Селлафилд, пытаясь добиться отмены сброса радиоактивных отходов в ближайшее озеро. Но на протесты никто не обращал внимания, бетон укладывали по плану, а ядовитые отходы так и продолжали сливать в воду. Меня ошеломил тот свет, который, казалось, исходил от Мота; он озарил каждый темный, пыльный, скрытый от глаз уголок моего мира. Я наивно думала, что моя семья тоже немедленно его полюбит. Но я ошибалась.

Сельская местность, дикая природа тянули Мота к себе как магнит. Он вырос в городе, но с детства смотрел в сторону деревьев и холмов. Все его мысли были о том, как бы снова сбежать из серости в зелень. В первые несколько месяцев после знакомства мы при любой возможности отправлялись в Скалистый край⁷. Мы обошли там каждый холм, пустошь и долину, до которых можно было добраться за один день. Сама я всю жизнь прожила в деревне, так что меня влекла на эти прогулки не столько природа, сколько возможность побыть с Мотом. Но с ним все было иначе: природа манила его к себе, как наркотик, и без регулярной дозы зелени жизнь

⁷ Скалистый край (англ. Peak District) – заповедник в Центральной Англии, популярное место среди любителей прогулок на природе и пешего туризма.

становилась для него невыносимой.

Прогулки прогулками, но Моту их было мало, он вечно придумывал новые способы углубиться в природу. Однажды утром мы с ним прогуливали занятия у него дома, на проигрывателе в деревянном корпусе крутилась пластинка группы Т. Rex. Под пение Марка Болана Мот стоял у окна своей спальни, и в свете солнечных лучей, отраженных от зеркала, его кожа казалась голубоватой. Мы были знакомы всего несколько месяцев, но он закрутил в моей жизни такой водоворот, такое безумие, что я забыла обо всем. Он уже натянул джинсы и взял в руки футболку, но вместо того чтобы ее надеть, задержался у окна, выглянул и кому-то помахал.

– Кому ты там машешь? Ты же не одет.

– Одной бабушке, она живет через улицу. Какая разница, я всю жизнь ей машу. Никогда не задергиваю занавески. – Он казался беспокойным, как будто ждал чего-то. – Поехали лазить по скалам. Ты вставай, а я соберу веревки.

Мот регулярно занимался скалолазанием с друзьями, но я никогда с ними не ездила. Он заправил футболку в джинсы и застегнул ремень. Я быстро проиграла в голове сценарий. Если поторопимся, то успеем сгонять туда и обратно, и родители не узнают, что я прогуляла учебу. Конечно, поехали!

Мы припарковали мой крошечный потрепанный «Фиат» у подножия Роучез, скалистой гряды посреди вересковой пустоши в графстве Стаффордшир. Мы уже не раз гуляли здесь, сначала вдоль зубчатых утесов от хижины Рокхолл

Коттедж до самой расселины Ладз Черч, а потом обратно по дороге, и Мот всегда показывал, где он лазит с друзьями. Выйдя из машины, он закинул на спину свой выцветший голубой холщовый рюкзак, с которого свисала пара ботинок для скалолазания, перекинул через плечо моток оранжевой веревки, и мы отправились к скалам. Он объяснял, почему поверхность носка специальной обуви не скользит по камню. Я глядела на свои дешевые пластиковые кроссовки, гадая, как будут скользить они.

– Не волнуйся, я полезу впереди, а ты за мной, и если ты сорвешься, веревка тебя удержит.

Я надела его запасную страховочную систему, до предела затянув ремни. Она все равно на мне болталась – что, если я выпаду из нее?

– Маршрут простейший, все будет хорошо. – Он объяснил, что веревка проходит через металлическое спусковое устройство, пристегнутое к моей системе. – Когда я полезу, держи ее и постепенно отпускай, а когда остановлюсь, закрепи вот так. Тогда, если я соскользну, то не свалюсь; эта штука заклинит веревку, и я повисну в воздухе. – Он дернул веревку в сторону, изображая, как я буду его страховать.

– Что, если я ее не удержу?

– Удержишь, я тебе доверяю.

И он полез вверх по склону, двигаясь точно и уверенно, а я осталась стоять на выступе у подножия. Глядя вверх на скалу, которая отсюда выглядела совершенно ровной отвес-

ной стеной, уходящей прямо в синее небо, я переступала с ноги на ногу в своих горчичного цвета кроссовках. Каждый раз, как Мот останавливался, я закрепляла веревку. У меня получается; все будет хорошо. Земля была сухой и пыльной, и, по мере того как день накалялся и скалы теплели, воздух все сильнее наполнялся запахом сосен. Мот добрался до сложного места и отклонился от скалы, держась за нее одной рукой, чтобы получше рассмотреть трассу впереди, ноги его цепко держались в маленьких выщербинах в камне, как он и обещал. Его стройное тело так выгнулось, что в лучах солнца, на фоне голубого неба казалось сюрреалистическим силуэтом. Мне захотелось сфотографировать его, запечатлеть этот момент. Я нагнулась за фотоаппаратом и отпустила веревку, и тут Мот как раз отклонился на лишней дюйм и, поскольку я его не придержала, начал падать. Выронив фотоаппарат, я ухватилась за веревку и затормозила его падение, но недостаточно быстро, так что он все равно довольно сильно ударился о каменистую землю.

– Какого черта? Почему ты меня не поймала?

– Я нагнулась за фотоаппаратом.

– Ушам своим не верю. Надеюсь, фотография получилась что надо.

– Я не уверена, что успела нажать на кнопку. Ты ушибся? Вернемся домой?

– Дышать больновато, но мы никуда не поедем, пока ты не слезишь наверх.

Он неловко поднялся, быстро, без малейшего замешательства, забрался на вершину скалы, закрепил веревку и стал ждать меня. Но я не могла за ним последовать. Что, если он даст мне поскользнуться, просто чтобы проучить?

– Давай же. Доверься мне – все будет хорошо.

Я полезла на скалу. Это оказалось проще, чем я думала: пальцы сами находили зацепки, а ноги не скользили. Но когда я добралась до того самого места, где Мот отклонился от стены, кроссовки поехали, и я оказалась в воздухе. Долю секунды я падала, а потом система дернула меня вверх, я остановилась и повисла на веревке.

Мне видно было лицо Мота над скалами, на самом верху, его волосы развевались на ветру под красной банданой, которой он повязал лоб.

– Все хорошо, я держу тебя.

Я висела в теплом воздухе, вокруг меня во все стороны простиралась вересковая пустошь, но я ни на чем не могла сосредоточиться, кроме его лица в обрамлении небесной синевы. Дул легкий ветерок, и я уже не паниковала. Я знала, что не упаду: Мот держит веревку. Путь лежал только вверх.

К тому времени, как мы вернулись в город, Мот уже с трудом дышал. Я помогла ему выйти из машины и посмотрела, как он исчез в дверях травмпункта. Потом отправилась домой.

Когда я приехала, мама была в саду.

– Как прошел день, хорошо?

Я смотрела, как она пропальывает клумбы, и мне хотелось сказать: да, просто замечательно. Я влюблена в мужчину, которому смело могу доверить свою жизнь, и сегодня узнала, что даже если ошибусь, то все равно смогу попробовать еще раз, к тому же, кажется, я хорошо фотографирую, даже если Моту, возможно, пришлось заплатить за это знание трещиной в ребре. Я отчаянно хотела рассказать ей все это. Но не рассказала.

– Нормально.

Я изо всех сил пыталась сделать так, чтобы мои родители поняли Мота, но чем больше говорила, тем сильнее они злились. Они отвергали его с такой яростью и ненавистью, что я совсем перестала понимать маму и папу. «Ты еще пожалеешь об этом, девочка моя, будешь жалеть до самой смерти». Я никак не могла взять в толк, почему они не видят в нем то, что вижу я. «Тебе от него никакого проку, он бестолковый, никчемный». Я начала жить между двух миров, и это была пытка. Мне приходилось постоянно отделять одно от другого: бесконечное счастье от растущей близости с Мотом и попытки оставаться хорошей дочерью в глазах родителей. Это была недостижимая задача, я врала, таилась и разрывалась, но выбрать что-то одно просто не могла. Не могла вынести те осуждение и отторжение, с которыми родители непременно восприняли бы правду. Мне нужно было все и сразу. Все любимые люди рядом, в тесном семейном кругу; я не хотела отказываться ни от кого из них.

Моту мало было просто видеть мир природы, он хотел окунаться в него с головой, ощущать стихии в их самой неукротимой форме и быть настолько свободным от людей, насколько это вообще возможно. Мы не могли позволить себе путешествие в далекие страны, поэтому Мот всегда мечтал съездить хотя бы на север, в Шотландию. Когда он начал планировать поход по Шотландскому высокогорью, я поняла, что мне придется найти способ поехать с ним вместе. Открыть родителям правду я не могла, хотя с высоты прожитых лет кажется довольно смешным, что тогда не сказала им: «Мне двадцать лет, я иду в поход с бойфрендом, а если вам это не нравится, то ничего не поделаешь». Но тогда мне просто не хватило на это смелости: родители придерживались очень консервативных взглядов, и мое признание повлекло бы за собой шквал упреков. Но я все равно решила поехать с Мотом.

Я наврала маме с папой, что в Шотландию едет вся его семья, что я буду жить в отдельной комнате, что родители Мота все время будут с нами. Дома у Мота я высыпала свои вещи из чемодана и переложила в рюкзак, который он одолжил у друга. Я забросила огромный, красный, жесткий рюкзак на спину и впервые в жизни почувствовала, как его вес оттягивает плечи, а поясной ремень уверенно обхватывает

бедра. Мот затянул ляжки потуже, и все мои пятьдесят кило веса оказались в смиренной рубашке. Я понятия не имела, как буду передвигаться с этой штукой на спине, но чувствовала только безграничное радостное волнение. Мот заплел волосы в косу, надел поверх рубашки и укороченных твидовых брюк потрепанную безрукавку, зашнуровал туристические ботинки, и вот мы были готовы отправиться в самое настоящее путешествие. Отец Мота подвез нас на станцию, где мы собирались сесть на поезд до города Инвернесс.

– Что нам делать, если позвонят твои родители? – папа Мота поправил кепку и вопросительно посмотрел на меня из окна машины.

– Не позвонят, они думают, что вы уехали на север Шотландии.

А если позвонят? Если решат нас проверить? Я отогнала эту мысль подальше, и мы сели в набитый поезд. Мест на сиденьях уже не осталось, так что мы устроились в тамбуре на своих рюкзаках, и страна полетела на юг, а мы отправились навстречу большому приключению.

Спать на полу поезда трудно: мешают тряска, грохот и запахи. Но в те минуты сна, которые мне все же удалось урвать, мне привиделась странной формы гора на фоне фиолетового неба и сплошная завеса дождя. На рассвете мы пересекли границу и оказались в странной чужой стране, где я никогда еще не бывала. Рядом со мной на рюкзаке сидел молодой немец по имени Йохан.

– Куда едете, в Аллапул? Фантастическое место, но я советую оттуда пройти подальше на север и посмотреть гору Стак Поллайд. Незабываемое зрелище.

Мот уже держал в руках карту и искал на ней гору, про которую рассказывал Йохан.

– Я думал отправиться вот сюда, – палец Мота завис над местностью, о которой он говорил все последние недели, на этом участке волнистые контурные линии уходили прочь от дорог и поселений в сплошные дикие заросли. – К гряде Бен-Мор-Койгах, а потом вдоль нее к пику Сгурр-ан-Фидлер, Скрипачу. – Одно название уже звучало как-то мрачно, чуть угрожающе. Подробности я пропустила мимо ушей. Впервые в жизни я куда-то уехала от родителей больше чем на один день, и я была с Мотом. Даже в пыльном холоде вагона мне представлялось, как двигается его тело под потной рубашкой, в которой он проспал всю ночь. Я воображала, как прижимаюсь лицом к его голой спине, пока он, ссутулившись над плитой, жарит нам грибы – мы прогуливаем занятия, а потом и работу, мы целыми днями пропадаем в своем мире, совершенно одержимые друг другом.

– По-моему, отличная мысль. Давай и к Стак Поллайд тоже ходим. – Мы будем вдвоем целую неделю, только он и я. Мне было все равно, куда идти. Я пошла бы куда угодно.

Мы сошли с автобуса в Аллапуле, и чистый воздух ударил нам в голову, как охлажденное шампанское. Пустой и холодный, наполненный восхитительной пузырящейся свежестью.

Аллапул – маленький городок на западном побережье области Росс и Кромарти, и мы обошли его весь: ели картошку фри, разглядывали рыбацкие лодки в гавани и присматривали гостиницу на ночь. Ранним утром мы закупились кое-какой провизией на следующие несколько дней и посмотрели прогноз погоды, вывешенный на двери капитана порта: два дня ясной погоды, а потом легкий ветер и, возможно, небольшой дождь. Мы взвалили на спины рюкзаки и отправились в дальний путь до горы Стак Поллайд.

– Туда идти целый день, а я хочу поскорей добраться до места. Может, автостопом?

– Давай, почему бы и нет. – Я с надеждой вытянула руку.

Мы выбрались из фургона, распрощались со шведской парой с тремя детьми, собакой и коровьим бубенцом на крыше, и остановились у подножия горы. Уже припекало, когда мы пустились в путь среди зарослей вереска и груд наваленных камней. Постепенно жара усилилась, теплое утро превратилось в раскаленный день, а мы всё карабкались вверх по усыпанному острыми обломками песчаника склону. Я даже не догадывалась, как трудно будет лезть в гору с рюкзаком на спине. Мне казалось, что я тащу на себе громадный булыжник, который превращает каждый шаг в упражнение с тяжелым весом. Как будто сила тяготения изменилась, и ме-

ня придавило какой-то невиданной массой, преодолеть которую можно было только громадными и целенаправленными усилиями. Сжав зубы, я шла по пятам за Мотом, который упорно шагал вверх по склону с гигантским рюкзаком, где среди прочего лежали палатка и здоровенные котелки. Ни за что не сдамся, не буду нытиком и слабачкой, не испорчу ему долгожданную поездку. Наконец, задыхаясь и потея в горячем воздухе, я сбросила рюкзак на камни и осторожно потрогала плечи, докрасна натертые лямками. Впервые в жизни я оказалась на вершине горы в Шотландии, и от вида у меня захватило дух. Далеко внизу, до самого моря с островами, простиралась дикая долина Ассинг. Зелено-синее великолепие в мерцающем жарком мареве – ничего подобного я в жизни не видела.

– Ты просто молодец. Я не был уверен, что ты дойдешь.

Я сияла от его похвалы, пытаюсь отлепить зеленую футболку от плеч, натертых лямками рюкзака. Но оторвав взгляд от прекрасного вида, который открывался на запад, я увидела на юге тревожный силуэт: темное сердце горы Бен-Мор-Койгах.

– Вон она. Скорей бы пойти к ней; я уже много недель только об этом и думаю.

Я посмотрела на него – он стоял на вершине горы, светлые волосы развевались на ветру, лицо светилось от возбуждения. Он был в своей стихии. Но где-то далеко на юге нас ждал долгий трудный путь по торфяным болотам и камням

к величавому темному лезвию горы, запрятанной глубоко в дикой местности. На солнце набежало крошечное облачко страха.

Компания молодых испанцев подбросила нас до палаточного лагеря в местечке Ахильтибуи, расположенном на много километров западнее. Ночь в организованном туристическом кемпинге перед запланированными двумя ночевками «дикарями» на пути к вершине и обратно. Мы собрали палатку, и я бегом помчалась к туалетам, надеясь, что там будет душ и я смогу охладить свои до крови натертые плечи. Душа в лагере не оказалось, но испанские девчонки разделась и мылись над раковинами. Я была в шоке. Я всю жизнь провела под гнетом маминых викторианских заповедей, которые утверждали, что на людях нельзя оголять ничего, кроме рук, это просто нехорошо. Но мне отчаянно нужно было помыться, так что я тоже сняла футболку, намочила губку и стала прикладывать к плечам, чувствуя себя странно беззащитной в этом деревянном домике на краю света.

– Что это за бойфренд! Заставляет тебя носить такие тяжести! – Испанки окружили меня и разглядывали мои истерзанные плечи.

– Я сама с ним напросилась.

– Ну конечно.

Они отобрали у меня губку и медленно, аккуратно стали мыть натертую кожу, снимая тут и там зеленые ворсинки от футболки.

– Это не мой рюкзак – мне его одолжили. Он мне не по размеру.

– Никогда не бери на гору чужое снаряжение, потом непременно будет больно. – Они намазали меня антисептическим кремом. – Не надевай пока футболку, нужно, чтобы твои ссадины подышали.

С мокрой футболкой в руках я шла обратно в палатку, окруженная странным новым миром свободы. В походе я не была со времен школьной поездки в Скалистый край, но, оставшись в тесной зеленой палатке наедине с Мотом, чувствовала себя естественно. Наутро испанцы подкинули нас обратно до трассы и исчезли, помахав на прощание, и нас обступила тишина. Темная, зелено-серая тишина. На торфяных болотах ни единого движения: птицы уже выкормили птенцов и улетели, и летняя жара укрыла вереск душным одеялом.

Воздух не шевелился; начав долгий медленный путь к подножью горы, мы буквально продирались вперед. Свет был пронзительно прозрачным, он странно выделял выпуклые скопления камней на склоне, подчеркивая зеленые и черные тона – будто мы смотрели на экран со сбившимися настройками цвета. Я постоянно останавливалась и поправляла запасные футболки, подложенные под лямки рюкзака, чтобы защитить стертые плечи, и утро понемногу превратилось в день. Торф был сухим, как пыль, и опоясывал каждую поросшую вереском скалу миниатюрными холмиками и

долинами. В середине дня мы наполнили фляжки водой из маленького ручейка, и вот наконец наша цель появилась над последней отороченной вереском скалой. Громадное темное цунами из камней и вереска вздымалось впереди, заполняя собой небо во все стороны: гора Бен-Мор-Койгах, а рядом с ней – почти вертикальная громада пика Сгурр-ан-Фидлер. У меня перехватило дыхание. Это была та самая гора, что приснилась мне в поезде.

– Мот, мне снилось это место, было очень страшно, шел дождь...

– Но дождя ведь нет, и прогноз хороший. Давай дойдем до озера и поставим палатку, пошли.

Маленькое озерцо Туат лежало, черное и спокойное, у подножия Скрипача, гнетущего каменного массива, мрачной башней уходившего в небо. Я отвернулась от горы и сосредоточилась на том, чтобы отлепить от себя футболку и помыть плечи в ледяной воде. Потом мы сидели на берегу озерца, благодарные за ветер, который поднялся и унес комаров. Я была на седьмом небе от счастья оттого, что мы с Мотом только вдвоем в этой огромной дикой пустоши, нас никто не видит, никто не осуждает, нам не нужно скрываться или притворяться. Почти стемнело, лунного света только-только хватало, чтобы различить в сумерках силуэт Скрипача, по бокам поросший кустами жесткой травы. Ветер принес со стороны горы странный, фантастический звук. Вначале он был похож на негромкий звон крупной «музыки вет-

ра», низкий глубокий тон, который появлялся и исчезал вместе с бризом. Затем он зазвучал громче, словно хор голосов, поющих на неизвестном языке где-то очень далеко от нас.

– Что это?

– Это голос горы. Она нас зовет.

Мы уже собирались залезть в палатку, которая стояла на земляном холмике на фоне черной каменной стены, в пятне лунного света. Заберись мы в нее секундой раньше, мы бы их пропустили: стадо благородных оленей, которые мчались мимо, спеша вниз по холму и перекликаясь друг с другом низкими голосами. Мы смотрели им вслед, пока они не растворились в долине, а потом все же залезли в Мотову зеленую одноместную палатку, которая у входа держалась на единственной деревянной стойке, а с другого конца в ней едва хватало места для головы. Я переживала волшебный, неопиcуемый момент счастья. Завтра мы полезем на Бен-Мор-Койгах и Скрипача, впитаем великолепии окружающих пейзажей, а потом вернемся в палатку и проведем в ней еще одну ночь, прежде чем сняться с места. Полог палатки вибрировал на легком ветерке, и я мирно уснула под этот убаюкивающий гул.

Я проснулась в полной черноте, не понимая, где очутилась, и наощупь отыскивала свои часы. Два часа ночи. Я поло-

жила голову Моту на грудь, теплую, ритмично вздымавшуюся, и вдруг услышала отдаленный рокот. Это было не его дыхание, а какой-то звук снаружи, еще далекий, но с каждой секундой приближавшийся. Мот тоже проснулся.

– Это еще что такое?

Шум усилился и, достигнув громкости несущегося поезда, превратился в дрожащий рев, который креп, распространился и обступал нас со всех сторон. Потом налетел ветер. Его резкий порыв высосал из палатки весь воздух, и она наполовину сложилась, так что нас облепил холодный зеленый нейлон, который, казалось, пытался сгрести нас и выкинуть с холма.

– Какого хрена? – Мот вылез из спальника и попытался удержать на месте деревянную стойку, но места не хватало, чтобы сесть, и он не мог нормально за нее ухватиться. – Одевайся, одевайся... – Он распластался на полу палатки, обеими ступнями упираясь в стойку и сопротивляясь бешеному ветру. Отгоняя панику, я влезла в одежду и ботинки, покидала все, что смогла найти, в рюкзаки, и попыталась передать одежду Моту, который сражался со стойкой и одновременно отводил от лица удушающую мокрую палатку.

Стойка хрустнула и сломалась пополам, и палатка превратилась во вращающуюся нейлоновую авоську, которую удерживал на месте только наш вес. В черноте этой воронки Мот пытался зашнуровать ботинки.

– Поищи на дне моего рюкзака пластиковый пакет.

– Что? Зачем? Все и так уже мокрое.

– Это спасательный мешок. Мы сейчас вылезем из палатки и залезем в него.

– Что? Я наружу не полезу...

Молния на двери палатки лопнула, внутрь ворвался ветер. выбора у меня не осталось. Выпутавшись из мокрой ткани, мы выпали в темноту ночи, и как только нейлон освободился от веса второго рюкзака, палатка взмыла в воздух, выдернув из земли стальные колышки, и со скоростью ракеты исчезла в ночи, унося с собой пенки и фонарики, запасную одежду и пакеты с продуктами. Мот отчаянно пытался развернуть ярко-оранжевый спасательный мешок, не упустив его из рук.

– Залезай, но сначала кинь внутрь рюкзак, или он тоже улетит.

Я скользнула в мешок, приоткрывая глаза урывками, потому что слепящий колючий дождь хлестал меня по векам. Мы спрятались внутрь и оказались в куче из рюкзаков и мокрых спальников, с которых лилась вода – на голом склоне горы, в километрах от ближайшей дороги и еще дальше от человеческого жилья. В пластиковом пакете.

Мы лежали на животах, глядя через щелочку в мешке, как молния разрывает небо напополам, на доли секунды выхватывая из темноты Скрипача во всем его необъятном, ужасающем великолепии. Ревущий, рычащий от злобы ветер свирепо бился в нашу оранжевую капсулу, но мы притаились в вереске и, как он ни пытался нас сдуть, не двигались с места.

Дождь колотил по пластиковому пологу, хлестал нас по затылкам, а вода заливалась во входное отверстие, в которое мы вцепились четырьмя руками. Мы могли бы совсем застегнуть мешок, но не в силах были оторвать взгляд от необузданного хаоса бури, поэтому оставили щелочку приоткрытой и уставились в нее, загипнотизированные зрелищем. Вспышки молний освещали пласты воды, которые ветер подхватывал с земли и швырял вверх, навстречу хлынувшему потоку. Ветер скручивал воду во вращающиеся шары, в них многократно отражалась чудовищная черная гора. Нас окружила клокочущая черная ярость, поглотила неумолимая мощь бури, вся природа вокруг слилась в единое ужасающее и прекрасное целое. Мы смотрели на все это, лишившись дара речи. Понемногу страх утих, водоворот стихий охватил нас и вращал до тех пор, пока мы не почувствовали, что едины с ним. Мы потерялись и превратились в пыль в бесконечном цикле воды, земли и воздуха.

Наконец в переполненный водой мир понемногу прокрался слабый свет, и мы вернулись к действительности: мы лежали в луже воды внутри пластикового мешка и держались за руки, игнорируя все более реальную угрозу переохлаждения. Несмотря ни на что, мы не паниковали. Ночью что-то произошло. Я чувствовала, как холодеет рука Мота, рука, которую я теперь знала так же хорошо, как свою собственную. В диких объятиях природы между нами сформировалась связь, которая не нуждалась в словах, осязаемо реаль-

ная и неизбежная, как песня оленей в затишье перед бурей.

– Надо идти. Если останемся тут, можем замерзнуть насмерть.

С трудом шевеля непослушными ногами и руками, мы выбрались на ветер – такой сильный, что трудно было выпрямиться во весь рост. Нам пришлось встать на колени, чтобы вылить воду из пластикового мешка и спрятать его в рюкзак. Мир изменился. Перемена случилась не только с нами, но и вокруг нас. Иссушенные, пыльные торфяные болота превратились в море воды. Реки, ручьи, водопады и непрекращающийся ливень. Тихое маленькое озерцо, над которым накануне ночью клубились мошки и комары, теперь ходило метровыми волнами, а холмик, на котором мы ночевали, превратился в остров.

– Нам нужно попытаться найти спуск. Только ступай очень осторожно, не споткнись о камни – если упадем и что-нибудь себе повредим, нам конец.

Я слепо шла за ним, безусловно веря, что он найдет дорогу между камней, почти ничего не видя из-за дождя. Мы пробирались между спрятавшимися под водой валунами, вброд переходили бурные потоки там, где вчера еще не было ни капли, нас подстегивал дождь и подгонял ветер. Я сделала очередной шаг, и моя правая нога провалилась. В секунду меня почти по пояс засосало в яму, и не провалиться еще глубже мне помешал только рюкзак.

Мот вытащил меня за лямки, и мы так и остались лежать

в воде, обессилевшие.

– Если мы выберемся из этой передраги целыми, нам крупно повезет.

Сон, который приснился мне в поезде, сбылся. В крепнущем утреннем свете гора приняла ту самую форму, которую я видела в своем кошмаре, и от чувства фаталистического принятия меня потянуло в сон.

– Нет, вставай. Все будет хорошо – мы уже почти пришли.

Я с трудом поднялась на ноги и снова побрела за ним вниз по склону. Наконец мы спустились ниже облаков и увидели впереди дорогу. Но от нее нас отделял последний отрезок склона: теперь это была не сухая пыльная тропа в зарослях травы и вереска, а водопад несущейся вниз пены, который было никак не обойти.

– Мы здесь не спустимся – мы просто на ногах не устоим.

– Ты права, – Мот снял рюкзак и со странной усмешкой обернулся ко мне, потом прижал рюкзак к груди и сел на землю. – Но мы можем здесь съехать.

Он исчез, подняв тучу брызг; за считанные секунды он преодолел сорок метров воды и встал на ноги у подножия горы. Я знала, что мне нужно следовать за ним, хотя бросаться с холма и противоречило всем моим инстинктам. Я вся дрожала и чувствовала, как меня начинает охватывать нехорошая сонливость. Я соскользнула вниз по ледяной воде, мы пробрели последние метры и вышли на дорогу. Мы притопывали по асфальту, пытаюсь разогнать кровь, с нас пото-

ками лилась вода, и тут рядом остановился туристический микроавтобус.

– Подвезти?

Кафе в Аллапуле только-только открылось. Еще не веря, что выжили, мы прохлюпали внутрь, сели на пластиковые скамейки и стали ждать завтрака. Теплая тишина кафе казалась нам совершенно нереальной; мы таращили друг на друга глаза через столик, не в силах сформулировать словами все, что с нами случилось. Вода ручейками бежала с наших рюкзаков, растекаясь по полу. Между нами поднималось облачко пара. Появилась официантка с тарелками.

– Откуда же это вас таких принесло? Пойду за шваброй.

Увидев еду, я полностью сосредоточилась на мысли о сосисках и консервированной фасоли, на том, как они сейчас окажутся у меня во рту. Я отчаянно хотела есть, но потребность во сне пересилила голод, и я упала лицом в тарелку; теплое яйцо размазалось по моей щеке, а я закрыла глаза и в изнеможении отключилась.

Мы вернулись каждый к себе домой, и оказалось, что быть порознь нам невыносимо. Что-то изменилось. Мы перестали быть двумя молодыми людьми, связанными страстью, между нами образовалась связь такой силы, которую ни один из нас толком не понимал. В безумии той ночи в пластиковом

мешке мы стали единым целым. Не только друг с другом, но и с неукротимыми стихиями, которые чуть не забрали наши жизни. Единство просочилось в наши вены и навсегда предопределило наше будущее.

6. Гореть

Я много раз просила маму объяснить, за что именно они с папой так ненавидят Мота, но это было все равно что пытаться поймать лягушонка в ведре, полном головастика. Каждый ответ намекал на настоящую причину, но ни один не прояснял ее целиком: «Волосы у него слишком длинные». «Джинсы рваные». «Он превратится в грязного вонючего старикашку». «Он ленивый». «Он не водит машину». Жалкие отговорки. Наконец я услышала нечто близкое к правде: «Он городской, он не такой, как мы». Вон он, ответ, но тоже не совсем, – головастик с лапками, но еще не отбросивший хвостик.

Я злилась и чувствовала себя преданной, но все равно оставалась с Мотом, несмотря на все аргументы родителей. В ту секунду, как он вошел в мою жизнь, он заполнил ее до краев; больше ни на кого места не осталось. Развязка наступила, когда мы с ним купили коттедж на краю деревни, крошечный домик с продолговатым садиком – счастьем моему не было предела.

– Ты собираешься поселиться с мужчиной до свадьбы, какой кошмар, ты нас позоришь!

Мы занимались домом – сушили все, что отсырело, чинили сломанные окна, проводили водопровод и строили уборную, – но не въезжали в него. Я никак не могла решиться на

последний шаг неповиновения родителям. Мне нужно было, чтобы они полюбили Мота так же, как любила его я; чтобы они поняли меня. Но процесс уже был запущен и шел своим чередом, и рано или поздно вулкану предстояло проснуться. Извержение произошло в одно идеальное семейное воскресенье над подносом сэндвичей с лососем и кексом «Королева Виктория».

– Мне за тебя стыдно. Ты же легко могла выйти замуж за любого фермера. Какой тебе от него прок? У него нет земли. Ты никогда не будешь счастлива без земли.

Вот оно. Квакающая, мокрая, скользкая лягушка моргала на ярком свету. Она уже никогда не сможет прыгнуть назад в ведро недосказанности. Момент был слишком острый, чтобы я услышала, что пытаются донести до меня родители, да им и не хватало слов, чтобы как следует выразить свои мысли. Я услышала только одно: раз Мот не фермер, значит, он недостаточно хорош.

Мы не переехали в коттедж; вместо этого сели на поезд и отправились на остров Скай. Местный ЗАГС был закрыт на ремонт, но временное отделение работало в свободном кабинете здания строительной компании в городке Портри, столице острова. Из какого-то странного суеверия ночь перед свадьбой мы провели в разных гостиницах, а утром встрети-

лись на парковке, среди строительных грузовиков. Был понедельник, и мы оказались неожиданным развлечением для сотрудников компании – они выглядывали из окон здания и со смехом хлопали в ладоши. На фоне серого асфальта мы смотрелись просто ослепительно: Мот в эффектном кремовом костюме, который он заказал у местного портного, и я в белом платье, купленном на распродаже в магазине «Лора Эшли». Эти наряды мы тайком привезли с собой в рюкзаках, пряча их друг от друга. В темной пыльной комнате мы взялись за руки и сказали: да, мы совершенно точно согласны – без страха, без сомнения, без замешательства, стоя за занавеской из мешковины, отделявшей нас от лавки, где какой-то строитель как раз покупал «полфунта гвоздей без шляпок».

На следующий день мы стояли на вершине Бруах-на-Фрит, одного из главных пиков хребта Блэк Куллин. Наш первый день из тысяч дней вместе. Из долины позади нас поднимались облака. Возникая из ниоткуда, они переливались через хребет рекой влаги, цепляясь за шероховатые каменистые склоны и уплывая прочь, чтобы раствориться в тепле долины. Жизнь простиралась перед нами широкой привольной рекой дней и ночей, а солнце сияло в ясном синем небе.

Потом мы вернулись в свой крошечный коттедж, где не было ни побелки на стенах, ни даже кровати, полные надежды и энтузиазма.

Нам еще предстояло рассказать обо всем моим родителям. Готовясь спуститься к дому и положить на кухонный стол свидетельство о браке, мы сидели на узловатых дубовых корнях в парке, и в животе у меня урчало от ужаса. Когда-то я лежала здесь на траве, еще совсем девочкой, сезон ягнения у овец как раз был в разгаре. Меня послали привести заблудившуюся овцу с ягненком назад на ферму. Я взяла на руки новорожденного детеныша и, тихонько бляя, чтобы его мама пошла за мной, поняла, что она вот-вот родит второго, так что поставила малыша на землю и стала ждать. Я валялась на траве, подо мной была прохладная влажная почва, над головой плыли облака, а рядом лежала овца, и, глядя, как появляется на свет второй ягненок, я испытала незнакомое чувство, мощнее которого в моей короткой жизни еще не было. Все в мире едино: земля, трава, овца, я, облака. Одно громадное единое целое; законченный цикл. Я не просто лежала на земле, но была ее частью. Это оказалось глубочайшее осознание, переворот на молекулярном уровне, который все детские годы не позволял мне играть с другими детьми, зато потом привлек к Моту; в будущем он поможет мне, бездомной, выжить на голых скалах и испытать при этом вдохновение и восторг. В тот далекий день это осознание сопровождало меня, пока я шла к дому родителей, готовясь перерезать

связывавшую нас пуповину, которой уже не суждено было срастись. И все это время у меня в ушах звенели их слова: ты никогда не будешь счастлива без земли.

Я перебралась к маме в хосписную палату и поселилась на стуле в изголовье ее кровати. В палату приходили и уходили медсестры, которые ухаживали за мамой; заглядывали врачи, осматривали ее и выходили, говоря «ну, теперь уже недолго»; воздух в комнате был спертый от неподвижной, душающей близости конца. Каждую ночь по тускло освещенным коридорам больницы из мужского отделения в женское проходил, шаркая ногами, пожилой мужчина в полосатой пижаме. Он входил в палату для перенесших инсульт и шел к койке одной и той же хрупкой старушки. Каждую ночь он брал ее за руку и обращался к ней: «Мама, проснись. Мама, пошли домой. Мне нужно домой». Каждую ночь он будил ее, она в испуге просыпалась и звала на помощь, прибежали медсестры и тихо выводили его. Старушка вовсе не была его мамой, но где-то в темноте конца своей жизни этот человек пытался отыскать путь к ее началу.

Прошло четыре дня, потом десять, а врачи так и продолжали приходить, ставить галочки на бланках и говорить: «Ну, теперь уже недолго». Иногда мама открывала глаза и долгие секунды смотрела на меня, на яркий свет в окне, но

в основном в изножье кровати, а потом снова опускала веки. Дыхание ее стало тяжелее, воспаление легких вернулось, оно сушило ей рот и перекрывало горло. Дни превратились в цепочки бесконечных секунд, ползком складывавшихся в минуты. Я постоянно прислушивалась, не изменилось ли ее дыхание, выискивала любые признаки того, что эти мучительные проводы скоро закончатся, но ничего не менялось, дни так и продолжали тянуться.

Я начала понимать, что медсестрам не разрешается разговаривать с родственниками ни о чем, кроме бытовых вопросов, а врачи среднего уровня запрограммированы просто переадресовывать все обращения консультирующим специалистам. Единственным способом получить ответы на вопросы было заловить одного из консультантов, когда он пролетал мимо. Я бесконечно поджидала в коридоре, боясь его упустить, и видела, как в отделение вкатывают безнадежно больных людей, как потом одного из них перевозят в палату напротив маминой, а следом идут родные, опустив головы и вытирая слезы. Два дня спустя я все так же стояла в коридоре, когда они закрыли дверь палаты, где лежало неподвижное тело, пожали руки медсестрам и ушли. Пациенты в отделении менялись, люди уходили, инсульт нарушил и изменил их жизни, но они все равно отправлялись домой. Наконец, на третий день мне удалось поймать врача-консультанта. Он быстро осмотрел маму, отметил что-то в бумагах и уже собрался исчезнуть, когда я остановила его.

– Вы сказали три-четыре дня, так почему она все еще жива? Если бы я знала, если бы вы объяснили...

– Большинство старушек в этом отделении слабенькие, но ваша мама не такая, она сильная, у нее есть воля к жизни. Но теперь уже скоро, раз пневмония вернулась.

Я почувствовала, как проваливаюсь в темную яму самобичевания. Если и сейчас маме хватает воли к жизни, чтобы не умирать, вопреки всему, то что, если... Что, если мне нужно было разрешить им вставить ей зонд, что, если бы это подарило ей время поправиться? Неужели мое решение дать ей умереть было неверным? Я зашла в палату, завернулась в одеяло ужаса и стала слушать мамино хриплое дыхание.

– Ты так себя в могилу сведешь, лапушка. Сегодня ничего с ней не случится. Выйди, развейся немного – тебе станет лучше.

Слово «лапушка» прозвучало так безыскусно, от него на меня сразу повеяло детством, домом, защищенностью. Я посмотрела на медсестру, а она взяла меня за локоть и мягко подтолкнула к двери. Мы никогда раньше не встречались, но простое ласковое слово заставило меня поверить ей, надеть пальто и выйти.

Без мыслей, без чувств, безо всяких причин я вернулась в лес. Это показалось мне самым очевидным решением; лес

был единственным подходящим для меня местом. Мне нужно было прийти сюда и почувствовать, как он обнимает и защищает меня. Вымотанная, но в постоянном напряжении от оступляющего глухого страха внутри, я легла на сухую подстилку из сосновых иголок и стала смотреть, как между темными ветвями движется солнце.

Я вышла из леса возле черного пня, оставшегося от старого вяза. Когда-то это было высокое, сильное дерево, стоявшее особняком на склоне холма, под его корнями гнездились кролики, а в тени под ветвями жаркими летними днями укрывались коровы, отгоняя хвостами надоедливых мух. Казалось, что вязу хватит сил жить вечно, но однажды ночью, в конце лета – мне было всего семь, я как раз должна была пойти в школу – папа разбудил меня и сказал, чтобы я одевалась и шла на улицу.

– А где мама?

– Еще спит.

Я была потрясена. Такое со мной случилось впервые: папа разбудил меня, чтобы взять с собой во взрослый ночной мир.

– Тебе нужно на это посмотреть. Я ничего подобного в жизни не видел, и ты такого больше никогда не увидишь.

Взяв задубевшую от грубой работы папину руку, я вышла за ним в поле за домом.

– Папа, но зачем? Зачем ты поджег дерево?

– Я его не поджигал.

Вяз, одиноко простоявший в поле, наверное, лет двести, пылал. Огромные языки пламени охватили его ветви и ярко-оранжевым жаром рвались в черное небо. Столько мощи высвободилось из такого спокойного, зеленого, тенистого источника.

– Но почему оно загорелось?

– Не знаю. Как будто оно само себя подожгло, как будто решило загореться.

За все годы, проведенные рядом с этим практичным человеком, который гордился, что называет вещи своими именами, я никогда не видела его ближе к благоговению, чем в ту ночь. В ярком свете огня я отчетливо заметила его глубокое восхищение происходящим, и понимала, что оно навсегда запечатлется в его душе. Когда дерево обрушилось на землю и мы прикрылись от яростно взметнувшихся искр и горящих веток, я почувствовала, как натруженная рука отца смягчилась. Дерево продолжило пылать на земле, но вокруг ничего не занялось; сгорело только оно одно. Дерево высвободило собственный жар жизни, а вокруг него ночь осталась тихой и спокойной; коровы продолжили пастись, и звезды не погасли. Когда огонь догорел, мы пошли назад к дому; папа молчал, но я все еще видела его лицо, озаренное природным волшебством.

Я пошла прочь от пня, унося с собой массу эмоций, ко-

торые не знала, как назвать. Мое прошлое, мое настоящее, моя семья – и где-то посреди всего этого Мот, постоянное напоминание, что это не последнее решение о жизни и смерти, которое мне придется принять. Что тот выбор, который встал передо мной в случае с мамой, встанет и в случае с ним. Или он сам все решит, когда придет его время? Сам выберет день, чтобы погасить свой ярко-зеленый свет, и скажет: «Это самый совершенный день, который я увижу в своей жизни, и этого достаточно». Я прогнала эту мысль назад в глубину сознания. Не сейчас, не теперь.

На кладбище аккуратными рядами была разложена вся правда жизни. Фермеры из нашей деревни, мой дедушка, жители коттеджей, старый владелец имения и его семья, мои тетя и дядя. Здесь лежали все, кто населял деревню моего детства. И мой отец. Я опустилась на колени у его могилы, руками оборвала высокую траву вокруг надгробия и поставила в вазочку свежие цветы. Умиротворения я не чувствовала, только ощущение, что всех их больше нет, они исчезли в воронке жизни, которая засосала их в холодную землю на открытом всем ветрам холме. Тяжесть смерти обрушилась на меня всем весом, мне представился Мот, стоящий у ворот церкви в ожидании своей очереди.

– Папуля, прошу тебя. Это невыносимо, невозможно ви-

деть ее такой, пожалуйста, забери ее, ну пожалуйста.

Не переставая чувствовать, как больница требует моего возвращения, я заглянула в коттедж, впервые за несколько дней помылась, постирала кое-что из одежды и огляделась в поисках книжки, чтобы читать долгими больничными вечерами. У мамы все еще хранилась коробка книг с полок в моей детской. Несколько из них я потом забрала, но коробка почему-то так и осталась жить у нее. Перебирая пожелтевшие страницы и загнутые уголки книг, которые так любила ребенком и подростком, я заметила среди них одну не очень знакомую. Разрушенный домик, изображенный на ее обложке, я точно видела раньше, но о чем она, не помнила. Я сложила мамины чистые вещи в сумку, а сверху положила потрепанный томик: Уолтер Дж. К. Мюррей, «Копсфорд».

7. Дышать

Мамино дыхание стало тяжелее, ему мешали невидимые препятствия, а рот пересыхал и наполнялся слюной, которую она не могла сглотнуть. Ее требовалось убирать вручную, чтобы воздух смог пройти в дыхательные пути. В два часа ночи мне некогда было спать. Я могла только слушать ее дыхание, складывать вдохи и выдохи в копилку, сохранять на будущее. Я отдернула занавеску, и свет фонарей, горевших на парковке, превратил комнату в желтоватый склеп.

Я положила ноги на кровать и попыталась подремать, но поняла, что уснуть не смогу, и пристроила на коленях «Копсфорд», так, чтобы на страницы падал свет из окна. Почему же я не помню этой книги? Когда я начала листать ветхое, выцветшие страницы, во мне зашевелились слабые воспоминания. Эту книгу когда-то подарила мне Глин, мамина начитанная подруга, творческая личность. Я попыталась ее прочесть, но она оказалась мне не по возрасту, и, разочарованная отсутствием животных, я отложила ее. Тогда я не смогла понять, что заставило молодого Уолтера Мюррея уехать из города и год прожить в полуразрушенном домике, нарисованном на обложке. Год без водопровода и электричества в доме, где сквозь дырявую крышу хлестал дождь, а в двери задувал ветер. Может быть, теперь мне будет понятней его поступок. Ночь шла своим чередом, в палате появ-

лялись медсестры и стояли у маминой кровати, прислушиваясь и присматриваясь, а я читала и уносила из больничной палаты в глухую сельскую Англию. Постепенно в тишине палаты я начала раздражаться на Уолтера Мюррея за то, что он вечно ничего не мог довести до конца. Он рос в Суссексе, где играл в полях и на деревенских улочках. Когда началась Первая мировая война, он был еще мал, а когда наконец повзрослел достаточно, чтобы отправиться воевать, пошел в торговый флот. Там быстро оказалось, что он не переносит тошнотворную бесконечность моря, так что он бросил корабли и записался в Королевский воздушный флот. Но и пилотом ему не суждено было стать; война закончилась еще до того, как он научился летать. Вернувшись в деревню под названием Хорам, он не находил себе места, – раздраженный юнец, который чувствовал, что упустил главное приключение в своей жизни. Тогда он собрал вещи и уехал в город, где устроился работать журналистом. Однако описывать тривиальные происшествя ему наскучило, и он вновь ощутил неудовлетворение.

Мне быстро наскучил Уолтер, я отложила книгу и вышла в коридор за стаканчиком чая из автомата. Пациент по имени Гарри, одетый в новую голубую пижаму, шаркая, прошел по коридору в сторону женского отделения и уселся на привычное место у кровати спящей старушки. «Мама, мама, пойдём домой». Я ждала, что придут медсестры и отведут его в палату, но никто не появлялся. Он взял старушку за руку, осто-

рожно, почти нежно погладил, и она проснулась. Я думала, что она закричит, как обычно, но она просто протянула руку и похлопала его по плечу. «Завтра пойдем домой. А сейчас возвращайся в кровать и поспи еще». Гарри беспрекословно поднялся и вышел из отделения – с виду сгорбленный старик, но в душе потерянный, испуганный ребенок, пытающийся вернуться в какое-то смутное воспоминание о прошлом. Я возвратилась в палату, тихо закрыла за собой дверь. Мама лежала с открытыми глазами, уставившись в изножье кровати. Я попыталась поймать ее взгляд, но она меня не видела и как зачарованная смотрела на что-то запредельное.

– Попытайся поспать, мам. Вот у меня тут книжка...

Я начала читать ей вслух, и уже через несколько секунд ее глаза закрылись, а дыхание стало тяжелым и хриплым. Я прекрасно ее понимала: история подростка, который ни на что не может решиться, усыпила бы любого. Но сама терпела, пока Уолтер разочаровывался в своей скучной работе и жалком жилище, пока он обнаруживал, что у него пропало вдохновение писать, а ведь он так надеялся стать писателем. Он чувствовал, что задыхается в городе и мечтал о возвращении домой, чтобы «жить поближе к природе». Страница следовала за страницей, и внезапно я перестала нуждаться в его объяснениях и оправданиях: я его поняла. Я знала, что он ищет – его вела та же сила, которая гнала меня на прибрежные скалы или в лес. То же необъяснимое, непреодолимое притяжение. Теперь меня уже было не оторвать от кни-

ги, и я внимательно следила за перипетиями одинокой жизни Уолтера в деревне, в окружении буйной английской природы середины XX века.

Ночь плавно перетекла в утро, в больнице начался новый день, а я вдруг поняла, в чем заключалась та перемена, которую я ощущала в полях и лесах нашей деревни, но никак не могла описать. Перемена столь тонкая, что никто не заметил, как она произошла. Мне чего-то не хватало, но я не знала, чего именно, пока не взяла в руки зеркало «Копсфорда» и не увидела, что в нем отражается вовсе не деревня моего детства. Поверх книги я посмотрела на голые ветви березы за окном. Конечно, изгороди не пестрили дикими цветами, а в траве не жужжали пчелы: стоял конец января. Но было и что-то скрытое, что-то более существенное, чем перестроенная под жилье лесопилка и поселившиеся в деревне горожане. Неподвижность, тишина в опустевших соснах. Безмолвие ветра, опустошенность из-за чего-то ушедшего. Ферма превратилась в другое место, аккуратно причесанное, но бесплодное. Дикая жителя ушли с нее, небо притихло, а земля стала пустой и темной. Тонкая перемена, почти незаметная, пока ее не высветил с ослепительной ясностью «Копсфорд».

А потом изменилось все.

– Мне невыносимо думать, что ты там одна. Разве ты не

хочешь, чтобы я был рядом? Можно я приеду? – Моту тяжело было оставаться вдали от меня; он не понимал, почему я упорствую. – Я знаю, она меня ненавидит, но теперь для этого уже слишком поздно.

– Ты прав, но, пожалуйста, не приезжай.

Я уже чувствовала, что произойдет в тот день, и не могла допустить, чтобы он при этом присутствовал. Справляться одной было почти невыносимо тяжело, но будь со мной еще и Мот, он бы увидел, каково это – умереть такой смертью, чего я не могла допустить. Я и так с трудом отделяла мамину смерть от его. Позволить ему приехать означало навсегда сплавить воедино одно с другим, а я и без того почти уже утонула в водовороте собственных мыслей.

– Пожалуйста, не приезжай.

Ее тяжелое, неровное дыхание превратилось в глубокий хрип. За каждый вдох шла битва, и с каждым часом ей становилось все хуже. Я позвала медсестер.

– Она задыхается. Неужели ничего нельзя сделать?

– Вы подписали отказ от вмешательства. Нам нужно сначала получить разрешение у врача-консультанта. Он же вас предупредил, что она захлебнется.

– Какого черта? Откуда мне было знать, что «захлебнется» означает вот это? Вы просто не можете позволить ей так

мучиться!

Хрип перешел в протяжное всасывание воздуха; ее организмом овладела первобытная инстинктивная борьба за кислород, лицо и шея искажались от усилий с каждой глубокой, отчаянной попыткой вдохнуть. Легкие производили множество слизи, которую ее горло разучилось глотать.

Часами я мучительно наблюдала, как она страдает. Часами сомневалась в своем решении и ненавидела себя за него. Часами меня грызло тошнотворное, сводившее с ума отчаяние, пока я вместе с ней боролась за каждый вдох, каждый раз думая, что он последний, что пережить это невозможно. Выпотрошенная, растерзанная, я держала ее за руку и смотрела на нее в беспомощном ужасе. Наступил вечер, и когда я уже думала, что мы обе больше просто не вынесем, появилась старшая медсестра.

– Мы дадим ей гиосцин. Это препарат, который остановит производство слизи и поможет с дыханием.

Очень медленно волшебное средство покинуло шприц, и мамина шея расслабилась, дыхание сделалось тише, вернулась неподвижность. Я переползла на свой стул, сжалась и затряслась от рыданий. Мне хотелось одного – отключиться, чтобы в черноту не проникали ни мысли, ни звуки, ни страх.

– Я принесу тебе чайку, лапушка. На сегодня все страшное кончилось.

Кончилось, все почти кончилось. Но не совсем. Я рыдала над одной неминуемой смертью, а в это время на меня

неподъемным грузом давила другая. Мне нужно было услышать его голос.

– День был просто ужасный, но ты лучше расскажи мне про свой.

– Почему ты не даешь мне приехать?

– Просто расскажи мне про свой день.

– Опять было странно – определенно не лучший день. В какой-то момент я просто отключился – и сам не заметил, а потом суставы так заклинило, что я не мог сдвинуться с места. Лектор тряс меня и говорил, что я уже битый час тащусь в окно; я не мог встать, ничего не работало как надо, так что меня пришлось везти назад в церковь. Сомневаюсь, что доучусь до конца, не говоря уже о том, чтобы потом пойти преподавать. Сейчас я просто хочу прилечь. Ничего, если я тебе перезвоню?

Я вернулась на стул, натянула на голову плед и затащила в свою пещеру «Копсфорд». Унеси меня отсюда, Уолтер. Забери меня к зеленым лугам, к проселочным дорогам, поросшим травами и дикими цветами. Я буду вместе с тобой собирать репешок и окопник. Забери меня; подари мне зеленую безопасность моего детства. Я стала перечитывать книгу под пледом, в свете неоновой лампы. Мир, мама, Мот – все это осталось снаружи, а я была наедине с Уолтером, мы вместе брели через ручей, чтобы собирать ежевику.

Я больше не могла прятаться в больничных сумерках. Мот поступал в университет с надеждой. Не с той, с которой поступают нормальные студенты – что образование станет для них билетом в долгое и успешное будущее. Он надеялся всего лишь дожить до конца учебы, надеялся, что все это время его мозг будет работать достаточно напряженно и он сможет перейти в следующую стадию жизни. Но я и без его признания знала, что он переживает откат по сравнению с тем пиком формы, которого достиг в конце тропы. С тем счастливым моментом, когда он снял рюкзак и оказалось, что его тело избавилось от неподвижности и одеревенения и вновь слушается его. Или же это был не откат, а наоборот, продвижение вперед по направлению к предсказанному ему будущему?

В свой эпический пеший поход по береговой тропе мы отправлялись безо всяких надежд. Моту сообщили, что шансов выжить у него нет, что тау-белки в его мозге прекратили нормально функционировать и теперь слипаются в то, что врач назвал клубками. Постепенный процесс фосфорилирования тау-белков медленно закупорит те области его мозга, которые говорят организму, что делать. Я представляла себе, что эти клубки откладываются примерно как зубной камень в труднодоступных щелочках мест. Постепенно они бу-

дут разрастаться и расплзаться, пока не задушат все те замечательные клетки, которые говорят Моту, как двигаться, чувствовать, помнить, глотать, дышать. И однако за то время, пока мы, вечно уставшие и голодные, шли среди великолепной дикой природы, забыв о существовании нормального мира по одну сторону тропы и не отрывая глаз от бесконечного морского горизонта по другую ее сторону, что-то случилось. Мот изменился. Он окреп, туман в его голове рассеялся, движения сделались уверенней, а тело начало лучше слушаться. Почему, почему, почему это произошло? У всего должно быть объяснение, но, может быть, пора принять, что врачи правы, что делать больше нечего, кроме как готовиться к неизбежному концу?

Я не могла этого принять. Как только в окно проникли первые лучи света, я схватилась за телефон.

– Мне все равно, что ты устал, – вставай. Тебе нужно ходить; нужно двигаться. Иди на улицу и двигайся.

– Но я не могу. Самочувствие просто дерьмовое.

– Мне плевать. Вставай.

Я положила трубку и вышла в коридор за очередным крошечным стаканчиком чаю из автомата, потом снова взялась за телефон.

– Ты все еще в постели; я знаю, что ты так и не встал. Вставай, ты должен встать. Пожалуйста, просто вставай.

Должна же быть какая-то причина – физическая, химическая, биологическая, – почему болезнь отступала, пока мы

шли. Какой бы она ни была, нам нужно найти способ воспроизвести этот эффект. Если мы его не найдем, нам придется снова взвалить на плечи рюкзаки и отправиться в поход на неопределенное время. Мот стремительно скользил навстречу кортикобазальной дегенерации, и ничто не могло затормозить его на этом пути; нужно было срочно что-то делать.

– Мот, надевай ботинки. Мне все равно, как ты себя чувствуешь; ты должен бороться за себя. Встань и попробуйся. Пожалуйста, хотя бы попробуйся...

Впервые мы поняли, что с Мотом что-то не так, как раз во время пешей прогулки. Была двадцать пятая годовщина нашей свадьбы. Никакого особого праздника, ни шума, ни суеты, мы даже детям не сказали, какая это годовщина. В тот день мы решили просто побыть вдвоем, но нам показалось, что как-то отметить его все равно нужно.

– Как насчет горы Триван? Мы давно собирались на нее подняться, но времени все не было. Давай сделаем это сегодня.

Триван – высокий горный кряж в уэльском национальном парке Сноудония, к нему трудно подобраться с любой стороны, а на самый верх нужно скорее карабкаться, чем идти. Но Триван так значительно и эффектно выделялся на фоне

остальных гор заповедника, что особенно удачно подходил для торжественного дня.

– Сегодня так сегодня.

Оставив фургон у подножия горы, мы отправились в путь, легко взбираясь по каменистым ступеням. Воздух был ясным и по-летнему теплым, над вересковыми болотами висели жаворонки, заливаясь своей чистой, ни на что не похожей небесной песней. Впереди аркой нависали скалы Кум-Идваль, а перед ними лежало озеро, отражая яркие солнечные лучи. Нам не захотелось идти по главной тропе, петлявшей в тени скал, и мы свернули налево, на тропинку, которая вела по боковому склону вдоль быстрой речки до самого ее истока, озера Лин-Бохлюйд. Мы остановились, чтобы перекусить, выпили чаю из фляжки и явственно ощутили, как гудят ноги, отвыкшие от прогулок по холмам. Мот убрал фляжку назад в рюкзачок и протянул его мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.